

## «ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

### Просветительница из рода Всеслава

Евфросиния Полоцкая. Без этого имени невозможно представить не только панораму духовной жизни восточнославянских земель в XII столетии, но и всю многовековую историю Беларуси. Княжна, внучка знаменитого Всеслава Чародея, игуменья, выдающаяся просветительница, о которой «Житие» говорит, что она — «небопарный орел, попаривши от Запада и до Востока, яко луча солнечная, просветивши всю землю Полоцкую», святая Евфросиния оставила о себе вечную память в душе народа.

Между нами и временем жизни знаменитой полочанки лежит более восьми веков. Неудивительно, что история донесла о ней не слишком богатые известия, но и они позволяют увидеть общеевропейскую значимость личности этой женщины-подвижницы. Самоотверженные труды святой Евфросинии, как и ее прославленных современников Кирилла Туровского и Клиmenta Смолятича, обусловили высокий культурный подъем на земле наших предков.

Уже в юности Евфросиния переписывала и переводила с других языков книги. Основав в Полоцке два монастыря, она придала распространению письменного слова большой размах. Историки связывают с ее именем полоцкое летописание и пополнение библиотеки Софийского собора. Княжна-игуменья заботилась, чтобы

ученики монастырских школ вместе с грамотой научались «чистоте душевней и бестрастию телесному».

Мудрость Евфросинии проявилась и в том, что она не пошла путем борьбы с прежними местными традициями, а стремилась освятить все, что могло служить христианству.

Находясь в центре духовной жизни Полоцкого княжества, она неутомимо собирала вокруг себя таланты, стала нашей первой меценаткой. По ее заказу зодчий Иоанн воздвиг всемирно известную церковь Спаса, которая считается совершенным образцом полоцкой архитектурной школы. Просветительница способствовала появлению уникальных фресковых росписей Спасского храма. Полоцкий мастер-ювелир Лазарь Богша создал для Евфросинии свой знаменитый крест — нашу бесценную национальную реликвию, истории которой посвящена эта книга.

Велико было влияние игумении на политику Полоцка. Подвижница возвышала голос против княжеских усобиц, предупреждала, что братоубийственные войны могут привести Отечество к гибели.

Многообразие и плодотворность ее трудов высоко поднимали авторитет Полоцкого княжества — первого государства наших предков — в глазах Византии и других стран. Пример Евфросинии вдохновлял ее земляков и последователей: первопечатника и переводчика Библии на понятный народу язык Франциска Скорины, переводчика и издателя белорусского Евангелия Василя Тяпинского, поэта и просветителя Симеона Полоцкого...

Благочестивая жизнь Евфросинии, ее безграничное самоотречение благоприятствовали расцвету в белорусском народе христианских добродетелей.

Евфросиния Полоцкая стала одной из первых канонизированных женщин на восточнославянских землях. В период господства «воинствующего атеизма» деятельность святой замалчивалась либо преподносилась в искаженном свете. Известный в то время профессор, автор учебника для средней школы Л. Абецедарский в 70-е годы позволял себе в лекциях «научных» публикаций называть выдающуюся просветительницу «мраческой». Молчала об Евфросинии даже пятитомная академическая «Гісторыя БССР».

В последние два десятилетия белорусские историки, а также писатели, художники, журналисты вместе с церковью немало сде-

лали, чтобы сорвать с имени Евфросинии оскорбительные ярлыки и вернуть его нашему сознанию. Вообще же, литература, содержащая сведения о жизни и подвигах святой, насчитывает около 200 названий на белорусском, латинском, польском, немецком, украинском, русском и церковнославянском языках.

Основной источник биографических известий о просветительнице — ее «Житие», один из ценнейших памятников древнебелорусской литературы, созданный в конце XII века в Полоцке неизвестным автором. Им мог быть младший современник Евфросинии, монах либо игумен одного из полоцких монастырей.

«Житие Евфросинии Полоцкой» дошло до нас, по меньшей мере, в шести редакциях, представленных более чем сотней списков, самый древний из которых относится к XVI веку. Многие из них хранятся в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

«Житие» написано на церковнославянском языке в его древнерусской редакции. Оно открывается риторическим вступлением, затем идет рассказ о жизненном пути святой как о ее духовном восхождении. Ценная особенность произведения — попытка автора показать характер подвижницы. Повествование основывается на подлинных исторических фактах, причем события даются в хронологической последовательности. Помещенные в «Житии» монологи и диалоги позволяют раскрыть внутренний мир полоцкой игумены. С историко-художественной биографией сочетаются другие литературные жанры: хождение — описание путешествия в Святую Землю и похвала. Самая подробная редакция «Жития» — четвертая, где дается генеалогия рода Евфросинии.

Автор «Жития» в соответствии с канонами жанра неставил перед собой цели подробно и точно рассказать о жизни святой. Его наиболее привлекали моменты, непосредственно связанные с христианской моралью и соответствующим типом поведения. Поэтому более полно восстановить основные вехи земного пути святой Евфросинии и их даты можно, только сопоставляя ее жизнеописание с восточнославянскими летописями, византийскими хрониками и другими историческими источниками. Интересные сведения о просветительнице и ее мировоззрении есть в посвященном ей певческом цикле XII века.

## Как крестилось Полоцкое княжество

Говоря о нашей первой святой, никак невозможно обойти вопрос, когда и как приняли христианство Полоцк и другие белорусские земли.

Официальная историография с ее мифами, созданными столетия назад, но необходимыми для имперской политики и сегодня, объявляет Полоцкое княжество частью Киевской Руси. Отсюда как бы само собой разумеется, что крещение наших земель ничем не отличалось от этого события в Киеве или в Новгороде и произошло благодаря князю Владимиру Святославичу. Как известно, киевлян Владимир приказал крестить в Днепре, сказав при этом: «Кто не со мною, тот против меня». В Новгороде разыгралась кровавая драма: там киевские воеводы Добрыня и Путята крестили огнем имеющим.

Однако на страницах всех известных историкам летописей нет никаких сведений о том, как приняла крещение Полоцкая земля. Значит, насилия здесь не было, ибо обойти такое событие молчанием летописцы не могли. Проливая кровь язычников в Новгороде, киевский князь закреплял права на свою вольнолюбивую вотчину, подчиняя ее еще и духовно. Таких прав на Полоцк у него не было, как, наверное, не было и достаточной для борьбы с полочанами вооруженной силы.

В Полоцке в последние годы жизни Владимира правил князь Брячислав. Он проводил независимую политику и, судя по варяжским сагам и восточнославянским летописям, поддерживал более прочные связи не с Киевской Русью, а со скандинавским миром. У полоцких князей не было нужды утверждать свою власть переведом в христианство сразу всех жителей княжества. Тем не менее, они, не желая видеть свою землю языческим островом среди христианской Европы и хорошо понимая возможности, которые несла новая вера государству и народу, приняли ее и способствовали естественному распространению Христова учения в пределах княжества. Причем происходило это постепенно, и долгое время христианство мирно сосуществовало с прежними верованиями.

Слово Божье шло сюда и с юга, и с запада, и с севера. Христианами, возможно, были уже первый известный из летописей полоц-

кий князь Рогволод (по мнению некоторых учёных, выходец извёлости Роголанд на севере Норвегии) и его дочь Рогнеда, силой взятая будущим Крестителем, а тогда еще язычником Владимиром в жены. Летописи сообщают, что, женившись на дочери византийского императора и став христианином, киевский князь предложил Рогнеде избрать себе нового мужа из его окружения. Гордая дочь Рогволода отказалась, объявив, что в таком случае лучше пойдет в невесты к Христу. Приняв постриг под именем Анастасии, она стала, вероятно, первой на восточнославянских землях монахиней.

Не исключено, что первый у восточных славян монастырь возник именно в Полоцком княжестве. Основания для такого предположения даёт записанная в XIII веке «Сага о крещении», повествующая о событиях юнца Х века. Её герой, причисленный после смерти к святым Торвальд Странник крестил Исландию, откуда затем отправился в Иерусалим. Заслужив большой почету константинопольского патриарха, паломник возвращался на родину через восточнославянские земли. Согласно саге, Торвальд скончался, не достигнув родины, и был похоронен «в высокой горе... у церкви Иоанна Крестителя, неподалеку от Полоцка».

Возникновение полоцкого монастыря Иоанна Крестителя (Предтечи) на Острове, о котором сохранились многочисленные известия, историки относят к XII веку. Однако остатки самой обители до сих пор не обнаружены, и говорить о более точном времени её основания можно будет только после археологических исследований. Что касается «высокой горы», то она существует на левом берегу Двины, напротив Софийского собора, и сегодня.

«Повесть временных лет», говоря о событиях в Полоцке, под 1007 годом помещает запись: «Перенесены святые в святую Богородицу». Первые киевские (а затем общерусские) святые Борис и Глеб канонизированы, как считают современные учёные, после 1020 года, а перенесены в церковь в 1072 году, о чём также есть запись в «Повести временных лет». Других святых ни в Киеве, ни в Новгороде тогда не было да и быть не могло, ибо церковь Киевской Руси находилась в полной зависимости от Константинополя, где утверждалась любая канонизация. Белорусский историк Сергей Тарасов полагает, что речь в летописи идет о первых полоцких и белорусских святых, которыми могли быть монахиня Рогнеда-Ана-

стасия, набожный князь Изяслав и умерший в малолетстве княжич Всеслав Изяславич. Возможно, к ним присоединили и святого Торвальда. Константинопольский патриарх мог разрешить канонизацию местных святых, потому что был заинтересован в христианизации Полоцкой земли по восточному обряду. Княжество же, безусловно, хотело иметь своих святых для укрепления независимости.

Кстати, в Полоцке уже мог существовать и храм Богородицы, ибо, как мы узнаем, во времена Евфросинии церквей во имя Божьей Матери было в городе две — старая и новая.

Первый известный нам полоцкий епископ Никифор был греком. В 1092 году с позволения константинопольского патриарха он стал митрополитом киевским. Значит, занять епископскую кафедру в Полоцке он мог тоже только по благословению того же церковного властителя. Иначе говоря, Никифор приехал в Полоцк прямо из Византии.

Все сказанное выше, как и прочные связи Полоцкого княжества с Константинополем, что проявлялось и в династических браках, и в мощном влиянии византийской культуры, убеждают: новая вера пришла сюда непосредственно из Византии.

Белорусские земли приняли христианство еще до его официального разделения на западную и восточную ветви, состоявшегося в 1054 году. Крестившись по греческому обряду, наши далекие предки не ощущали враждебности и к верующим-латинянам. В XII веке, когда жила Евфросиния, на востоке славянства продолжали распространяться жития римских святых. Особенной популярностью пользовалось жизнеописание Алексея человека Божьего. «Родом римлянин» был св. Меркурий Смоленский. В соседнем с Полоцком Новгороде причислили к святым Антония Римлянина. Тогда же новгородец Кирик сообщал, что горожанки крестили детей и у своих, и у варяжских священников. Между прочим, родственник святой Евфросинии византийский император Мануил Комнин вел переговоры об объединении церквей с римским папой.

Мы не знаем о существовании на белорусских землях в то время какой-либо направленной против западного христианства литературы. Нет следов такой неприязни и в житиях белорусских святых, что лишний раз свидетельствует о свойственном предкам благородном духе толерантности, который через столетия будет сохранен в Великом княжестве Литовском.

## Наша первая держава

Родина Евфросинии — Полоцкое княжество, сильное раннефеодальное восточнославянское государство, которым два с половиной века правила самостоятельная династия Рогвалодовичей, или Изяславичей (если считать от князя Изяслава — внука Рогволода и сына Рогнеды).

В Подвинье во второй половине первого тысячелетия нашей эры происходило взаимодействие племен кривичей, дреговичей и балтов, что вызвало к жизни новое этническое образование — полочан. Через княжество, соединяя Арабский халифат и Хазарию с восточными славянами и Скандинавией, проходили древние торговые пути. Выгодное географическое положение наряду с интенсивными и этническими процессами и активной политикой местных князей и были главными факторами быстрого возышения Полоцкой земли.

Во второй половине Х века в Полоцке правил независимый ни от Киева, ни от Новгорода князь Рогволод. Иначе говоря, в те времена и берет свое начало первое белорусское государство — Полоцкое княжество. Можно спорить, пришел полоцкий властелин из-за моря или был кривичем. Можно спорить, славянские или скандинавские имена носили первый известный по летописям полоцкий князь и его дочь Рогнеда. Но значительно важнее то, что, как подчеркивает историк Микола Ермолович, Рогволод «первым увидел и по-настоящему оценил огромные возможности Полоцкой земли как особого государства со своими целями и интересами, противоположными целям и интересам самого Киева».

В XII веке Полоцкое княжество по своей территории равнялось таким крупным западноевропейским государствам того времени, как герцогство Баварское и королевство Португальское. Вассалами Полоцка были расположенные в балтийских землях города Герцика (Герцике) и Кулонос (Кукенойс). Дань ему платили жившие ниже по Двине племена ливов и ляэттов. Полоцкие светские и духовные власти неизменно проявляли к своим данникам-язычникам веротерпимость. Видимо, это было результатом сильных позиций дохристианской идеологии в самом княжестве.

Деятельность полоцких князей была направлена на усиление державы и расширение ее границ. Красноречиво говорит о полити-

ческой стабильности Полоцкой земли тот факт, что целое столетие ею правили всего два князя: Брячислав Изяславич (1001–1044) и его сын Всеслав Чародей (1044–1101). При Всеславе княжество достигло своего наивысшего подъема. Тогда же был возведен Софийский собор, третий такой храм на востоке славянства, символизировавший равенство Полоцка с Киевом и с Новгородом. Державный ум и патриотизм полоцкого князя восславил гениальный автор «Слова о полку Игореве»: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядаше... великому Хръсови\* вльюм путь прерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутренюрано у святыя Софии въ колоколы, а он въ Кыеве звон слыша». Кстати, этот князь стал прообразом былинного Волха Всеславича.

Международный авторитет Полоцкой земли подтверждает родство Рогволодовичей с домом византийских императоров Комнинов. Некоторые авторы считают, что дочь Всеслава Чародея стала женой кесаря Алексея.

Политическим и экономическим сердцем княжества, ставшего исторической прародиной белорусов, был Полоцк — один из древнейших славянских городов. Впервые он упомянут в «Повести временных лет» под 862 годом, но данные археологии свидетельствуют, что город мог возникнуть, по крайней мере, на столетие раньше.

XI–XII веках здесь процветают ремесла и торговля. Вниз по Двине, а затем по Варяжскому морю полоцкие купцы везут воск, меди пушнину. На местном торговом можно встретить гостей не только из древнерусских городов, но из Византии, Прибалтики. Археологи насчитывают десятки специальностей полоцких мастеров. Развиты были кузничное и литейное дело, гончарство, кожевенное и сапожное ремесла. Своими изделиями славились оружейники ювелиры, владевшие многими приемами обработки цветных и благородных металлов — ковкой, чеканкой, тиснением, филигранью, зернью.

Полоцк тех времен с его монастырями и церквами, с основанной в 992 году епископской кафедрой — крупный центр книжной науки. Никоновская летопись неслучайно сообщает полоцкому князю Изяславу (умер в 1001 году), что он «прилежаша прочитанию» книг. Долгое время — пока не была найдена известная Гнездов-

---

\* Хорс — в мифологии восточных славян бог солнца, покровитель земледелия.

## «ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

ская надпись — печать с именем этого князя-книжника считалась древнейшим образцом письменности всех восточных славян. До наших дней дошла и найденная на Рюриковом городище в Новгороде печать самой Евфросинии, хранящаяся ныне в фондах Новгородского историко-археологического заповедника.

В Полоцке вели летопись, отрывки из нее сохранились до XVII века и попали в так называемый Еропкинский список, которым пользовался русский историк В. Татищев. О высоком для того времени уровне грамотности говорят также граффити\* полоцких храмов, ценные памятники эпиграфики «Борисовы камни». Уже в наши дни надпись середины XI века была обнаружена на большом камне из фундамента Софийского собора. Возможно, найден «автограф» древних зодчих. В памятниках письменности Полоцкой земли часто встречается десятеричное «і» — полочане были знакомы славянским алфавитом.

На протяжении большей части своей истории княжество сохраняло независимость от Киева. Конечно, это не означало оторванности Полоцка от соседних земель, с которыми он всегда имел тесные государственные, торговые и культурные связи. Вместе с тем самостоятельность, кроме политических экономических выгод, давала большую творческую свободу местным зодчим, живописцам, другим талантам, которым не нужно было обязательно ориентироваться на киевские образцы. Такие условия способствовали развитию целого ряда культурных особенностей, что дает основания называть Полоцкую землю не только нашим первым государством, но и колыбелью белорусской культуры.

Здесь, на берегах Двины и Полоты, в Полоцке или в одной из близких княжих вотчин и появилась на свет девочка, которой предначертано было навсегда остаться в истории и памяти народа.

## Внучка Чародея

Будущая святая родилась в семье князя Святослава-Георгия, младшего сына Вsesлава Чародея. Случилось это через несколько лет после смерти прославленного полоцкого владельца.

\* Граффи — древние надписи, сделанные острыми предметами на стенах зданий.

Девочку назвали древним кривичским именем Предслава. По тодашнему обычаю полученное при рождении имя после крещения могло измениться, но маленькая княжна осталась Предсавою.

С детства она слышала от родителей предания о прославленных предках. В ее сознание рано вошло имя непокорной Рогнеды, которую муж — Владимир Красное Солнышко вынужден был отпра вить с малолетним сыном Изяславом назадна родину. Предславу привлекала и легендарная личность деда Всеслава. Его битва с войском князей Ярославичей на Немиге, вероломное пленение и киевская темница, восстание 1068 года, когда киевляне «прокри чали» Всеслава великим князем, возвращение в Полоцк и продолжение борьбы с Киевом — воспоминания об этих событиях давали княжне яркие примеры преданности родной земле.

Училась Предслава в школе при Софийском соборе или дома, при княжьем дворе (это более вероятно). Учителями были духовные особы, в первую очередь монахи, учебниками — Святое Писание, житийная литература... От наставников, из жизнеописаний святых девочка получала и представления о монастырских уставах обычаях. Наука давалась ей значительно легче, чем ровесникам. «Житие» отмечает ее любовь к учению, прилежание и большие способности.

Княжеская дочь имела широкий доступ к книгам. Уже в отцовском доме кроме богослужебной и другой религиозной литературы, Предслава могла читать «Изборники» с изречениями и афоризмами, переведенный с греческого роман о подвигах Александра Македонского — «Александрию», остросюжетную «Повесть об Акире Премудром»... Позднее их сменили сочинения с богословскими толкованиями сущности природы, книги по античной истории.

Детство княжны проходило не только в родительском тереме. Ее привлекал многоголосый и многоязычный торг, где можно было услышать гусляра, увидеть выступления «веселых людей» — скоморохов. Предслава заходила к жившим на посаде торговцам и ремесленникам. После тесных курных изб простого люда особенно поражали девочку полоцкие храмы и прежде всего величественный Софийский собор с его богатыми и фресковыми росписями.

Откомилицы, нянек, от матери — княгини Софии она слышала сказки, обрядовые песни, заговоры и заклятья. Своеобразное двоеверие существовало на Полотчине даже в княжеско-джуринной

среде, а значит, Предслава хорошо знала языческий пантеон. В юные годы она была зрительницей, а возможно, и участницей русалий, купалий, коляди других дохристианских праздников.

Слава о красоте и образованности Предславы разнеслась «по всем градам», и в Полоцк, к князю Святославу-Георгию, зачастили сваты. «Житие» рассказывает, что, когда княжне исполнилось двенадцать лет (с такого возраста девочку в те времена считали невестой), родители решили выдать ее замуж за сына некоего славного богатством и княжением правителя. Впереди у Предславы была обычная для женщин ее круга судьба: рождение и воспитание детей, домашние хлопоты, ожидание своего князя-господина из похода или с охоты...

И тут неожиданно для близких она избирает другую дорогу.

## Христова невеста

«Наполнились мысли ея,—говорится в «Житии»,—и рече въ себе: «Но что успела при нас бывши родове наши? И женишася, и посягоша <выходили замуж>, но не вѣчноваша. И житие их мимо тече. Слава их погыбѣ, яко прах, и хужьши паучины... А другие паче железу выя <шея> своя не преклониша, но духовным мечем отсекоша от себя плотские сласти... то ти суть памятни на земли».

Предслава приходит в монастырь. Ее тетка, вдова князя Романа Всеславича, которая была игуменьей, «не хотящи оstriщи ея... и воздохнувиши, и прослезивши, глагола къ ней: «Чадо мое! Како могу се сотворити? Отец твой, уведав, со всяцем гневом возложить вредна голову мою. А еще юна еси возрастом. Не можеши понести тяготы мнишеского жития. И како можеши оставити княжение и славу мира сего?» Однаю Предслава добивается своего и под именем Евфросинии втайне от родителей принимает постриг, посвяшая себя Христу.

Белорусский исследователь «Жития» Алексей Мельников считает, что случилось это, вероятнее всего, 25 сентября — в день святой Евфросинии Александрийской.

Узнав о поступке дочери, князь Святослав-Георгий, как повествует «Житие», отгорярвал на голове волосы, а княгиня София причитала

по Предславе, как по покойной. Это было первое и очень тяжелое испытание юной Христовой невесты, но она сумела убедить родителей в правильности своего выбора, в том, что они должны не печалиться, а радоваться: их дочь отдала всю себя Господу.

Приход Предславы в монастырь и связанные с этим обстоятельства дают возможность с большей или меньшей достоверностью установить дату ее рождения. Из «Жития» следует, что пострижение произошло, когда будущей подвижнице было двенадцать лет. Князь Роман Всеславич, вдова которого была настоятельницей монастыря, умер около 1116 года (по другим сведениям — в 1113). Только после этого тетка Предславы могла стать игуменьей. Значит, святая Евфросиния родилась не ранее 1104 (или 1101) года.

Что касается пострижения княжны, то существует интересная версия, к которой склоняется, например, историк Микула Ермолович. Согласно ему, к пострижению Предславу могли подтолкнуть и внешние причины — суровая необходимость избежать высылки на чужбину. В 1129 году за отказ выступить в поход на половцев киевский князь Мстислав выслал полоцких князей в Византию. В числе изгнанников летопись называет и отца Евфросинии, вместе с которым покинуть Родину должны были также ее мать и младшая сестра Гордислава. Как мы знаем, династия Рогволодовичей была в родстве с византийскими императорами Комнинами. Таким образом, высылка имела в известной степени почетный характер (полоцкие князья получили должности в византийской армии и участвовали в войне с арабами), и все же это было изгнание. Можно только догадываться, дождалась ли Евфросиния всех своих родных назад: определенного ответа летопись не дает.

## Полоцкая книжница

В формировании взглядов Евфросинии Полоцкой, которая стала одной из просвещеннейших женщин своего времени, исключительную роль сыграла литература той эпохи.

Принятие восточнославянскими землями христианства требовало перестройки прежнего мировоззрения: представлений о Вселенной, природе, об истории человеческого рода... Среди книг, ко-

торые переводили и переписывали приехавшие византийские и болгарские священники, а также их местные последователи, большинство составляли, конечно же, богослужебные тексты и книги, где излагались основы христианских взглядов на мир и христианской морали. Однако в монастыри и в княжеские терема попадало и немало произведений других жанров: хроник, исторических и историко-бытовых повестей, природоведческих трактатов. Вообще же литература того периода отражала мировоззрение, типичное для многих христианских стран раннего средневековья. «Древнерусскую литературу\*», — пишет академик Д. Лихачев, — можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — всемирная история, и эта тема — смысл человеческой жизни».

Кроме библейских книг, Евфросиния еще в юности не могла не читать произведений патристики — римских и византийских богословов, почитающихся как отцы церкви. В полоцких книжных собраниях XII века несомненно имелись сочинения выдающегося византийского проповедника Иоанна Златоуста (344–407), который учил верующих христианским добродетелям, образно изобличая человеческие пороки. Распространены в то время были также произведения Григория Назианзина, Василия Кесарийского, Ефрема Сирена, Иоанна Синайского. Патристическая литература укрепляла основы христианской догматики, имела большое значение в утверждении этических идеалов. Тем же целям служили жития святых и патерики — сборники коротких рассказов о людях, прославившихся своим благочестием. Со страниц этих книг представлял фантастический, полный чудес мир, где за души людей упорно сражались силы добра и зла. Волнующие проблемы будущности мира, человеческой участии после смерти затрагивались в апокрифах\*\*, к примеру, в таком популярном, как «Хождение Богородицы по мукам». Во времена Евфросинии, а возможно, и раньше в Полоцке могли попасть и книги святых Кирилла и Мефодия, известные по описанию библиотеки Софийского собора, сделанному в конце XVI века.

Каждый образованный человек должен был знать историю сво-

---

\* Под этим термином мы понимаем литературу, создававшуюся во всех восточнославянских землях.

\*\* Апокрифы — произведения о персонажах библейской истории, которые сюжетно отличаются от включенных в канонические книги Библии.

его народа и соседей. Значит, полоцкая игуменья изучала Несторову «Повесть временных лет», вводившую восточное славянство в контекст всемирной истории. Вполне вероятно, что наряду с отечественными летописями просветительница читала и популярные тогда византийские хроники, которые благодаря династическим связям могли попадать в Полоцк непосредственно из Византии. Одна из таких книг, «Хроника Георгия Амартола», начиналась от сотворения мира, затем излагала библейскую историю, историю вавилонских и персидских царей, рассказывала о римских и константинопольских императорах. Это произведение дополняла «Хроника Иоанна Малалы». Ее автор предназначал свой труд широким кругам грамотных людей, а поэтому писал увлекательно и незамысловато. Читая 18 книг названной хроники, можно было, в частности, познакомиться с античными мифами и событиями Троянской войны, с жизнеописаниями персидских царей, Ромула и Рема, первых христианских правителей. Не позже начала XII века на землях восточных славян появился перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в центре которой одно из примечательнейших событий всемирной истории — восстание населения Иудеи против римского господства, захват и разрушение Иерусалима. Исторические хроники имели многочисленные миниатюры, часто изображавшие реальных личностей и реальные события. В одном из переводов книги Георгия Амартолы был, например, рисунок «Извержение Везувия».

Исторические знания, осознание включенности своей земли в общечеловеческий исторический процесс укрепляли у Евфросинии и ее современников идеи патриотизма, служения Отчизне.

Представление о мироздании образованным людям давали произведения византийской научной мысли. Византийские ученые считали мир наглядным свидетельством премудрости его Творца. Согласно им, природные явления, повадки зверей и птиц, даже свойства минералов — все это воплощенные вживых существах материальных образах некие вечные истины либо понятия.

Евфросиния читала так называемые «Шестодневы». Эти книги дополняли и объясняли библейское повествование о том, как за шесть дней (отсюда и название) Бог создал небо, землю, светила, растения, живых существ и человека. «Шестодневы» — своды всех известных в то время византийской науке сведений о живой и нежи-

вой природе. Наиболее широко распространен был «Шестоднев» болгарского экзарха (наместника константинопольского патриарха) Иоанна. В нем звучало естественное восхищение всемогуществом Бога, создавшего такой многообразный, прекрасный и разумно устроенный мир.

Естественнонаучный характер носили такой памятник эпохи Евфросинии, как «Физиолог». Вотличие от «Шестодневов», рассказывающих о природе в целом, здесь речь шла преимущественно о живых созиданиях, в числе которых наряду с реальными встречались мифические: кентавры, сирены, воскресающая из пепла птица Феникс. «Физиолог» сообщал о свойствах существа и давал их символическое объяснение, призванное найти аналогию между этими свойствами и одним из богословских понятий. В качестве примера можно привести рассказ о льве. Если верить «Физиологу», львица рождает неживого детеныша, а потом, спустя три дня, лев-отец, дохнув на львенка, оживляет его — определенная аналогия с воплощением, смертью и воскресением Христа.

С рассуждениями о строении Вселенной можно было познакомиться, читая «Христианскую топографию» Космы Индикоплува, купца, который около 530 года совершил путешествие по странам Ближнего Востока и Северной Африки. Индикоплов утверждает, что Земля — плоская; ее и небо он сравнивает с залом, имеющим сводчатый потолок. Видимое небо состоит из воды, однако надним есть еще одно — незримое. Атмосферными явлениями и движением светил управляют ангелы.

«Житие» и другие немногочисленные источники не дают нам достаточных сведений, чтобы с полной определенностью охарактеризовать взгляды святой Евфросинии на взаимоотношения человека и окружающего мира, но один вывод мы можем сделать. Основываясь на библейском учении, патристическая литература называла человека «микрокосмом» (малой вселенной), а природу — «макрокосмом». Этим подчеркивалось органическое единство, в котором должны существовать названные миры. Уже в раннем средневековье на восточнославянских землях была высказана мысль, что природа — храм, где человек осуществляет свое творческое служение. Так, очевидно, считала и Евфросиния Полоцкая.

В руки просветительницы, видимо, попадали также произведе-

ния, вступавшие в определенное противоречие с тогдашними богословскими взглядами на человека и природу. Византийский философ, писатель и государственный деятель Михаил Пселл (1018–90-е годы XI века) в своих трактатах, например, высмеивал веру в чудеса, доказывал, что каждое явление природы имеет естественную причину. Природа у Пселла — это рассеянное повсюду, невидимое, но постижимое разумом начало. Его этические взгляды отличались умеренностью и были направлены против чрезмерного монашеского аскетизма. Современники обвиняли Пселла в приверженности языческой философии, особенно Платону.

Учение Михаила Пселла развивал его последователь Иоанн Итал. Он считал материю вечной, отрицал существование души после смерти и склонялся к тому, чтобы признать или возможность ее переселения, или полное исчезновение. Итал дошел до открытого конфликта с христианством. По указу императора Алексея I Комнина (возможно, женатого на тетке Евфросинии) учение философа рассмотрели и предали анафеме церковный собор 1082 года.

Читала ли святая Евфросиния сочинения Аристотеля, Платона и других античных авторов? Вопрос остается открытым, но на него можно дать и утвердительный ответ, ибо современник просветительницы Климент Смолятич в своем произведении «Послание Фоме Пресвiterу» зарекомендовал себя знатоком античных философов.

Говоря об общественных взглядах Полоцкой игумении, сошлемся на петербургского ученого Наталью Серегину. Текстпевческого цикла XII века о Евфросинии привел его исследовательницу к мысли: там утверждаются те же идеи, что и в «Слове о полку Игореве» — пламенный протест против братоубийственных усобиц, необходимость единения восточнославянских княжеств перед внешней угрозой. В посвященном Евфросинии Полоцкой каноне\* говорится: «Князьм сродником друг на друга держающе подъяти мечь возвранила еси, яю оружие обоюдоостро словесем божим устраивающем». Н. Серегина полагает, что неизвестный автор «Слова» и знаменитая полочанка — люди одного круга, которые имели близкие убеждения и мировоззрение, а возможно, и были знакомы. Этот вывод согласуется с версией, по которой автор «Слова о полку Игореве» был уроженцем или жителем белорусских земель.

\* Канон — церковное песнопение в честь святого или праздника.

Мы не располагаем прямыми известиями, как игуменья Евфросиния относилась к крестьянам и другому зависимому люду, но, думается, она не могла не разделять взглядов Кирилла Туровского, который в одном из «Слов» возмущался тем, что властители «немилосердны к рабам своим и к рабыням, не дают им достаточно еды и одежды, и работают насилием другими бедами, и бьют низа что». На Евфросинию мог влиять и упомянутый выше Михаил Пселл. В своей «Хронографии» он осуждал восстания народных низов, но изобличал despотизм императора и выступал против чрезмерных расходов двора.

Интересна проблема отношения просветительницы к язычеству. Как уже отмечалось, его позиции в Полоцком княжестве и после принятия христианства оставались достаточно прочными не только среди простого люда. Языческие волхвы имели доступ в велико-княжеский терем. Это подтверждается летописным сообщением, что князь Всеслав Брячиславич Чародей родился от «волхвования». Думается, неслучайно исторические источники не дают сведений о каких-либо жестоких гонениях на язычников и их идеологов-волхвов в Полоцкой земле. Святая Евфросиния, известная как миротворица, вряд ли могла быть сторонницей безжалостного преследования соотечественников-иnоверцев.

Однако вернемся к юной Христовой невесте и попробуем пройти рядом с нею по ступеням ее духовного восхождения.

### Склонившись над пергаментом

Прожив некоторое время в посту и молитвах за монастырскими стенами или в монашеской слободке при одном из полоцких храмов, Евфросиния решила, что она уже подготовлена к самостоятельному подвижничеству. Княжна-черница обратилась к полоцкому епископу Илье с просьбой поселить ее в Софийском соборе. Возможно, она подражала своей небесной покровительнице Евфросинии Александрийской либо самой Богородице, жившей некогда при храме в Иерусалиме. Но важнейшей причиной обращения к владыке представляется стремление быть ближе к книгам, к соборной библиотеке, о которой просветительница потом всю жизнь заботилась.

Получив от Ильи позволение, Евфросиния поменяла свое прежнее жилище на келью-голубницу в Софии и «нача книги писати своими руками».

Процесс письма в те времена был очень сложным и медленным. Книги писали на пергаменте уставом — крупным и прямым, безнаклона, почерком, где каждая буква отделялась от соседней и скорее не писалась, арисовалась (слитное письмо появилось только в XV веке). Чтобы текст быстрее высыпал, его присыпали песком. Чернила делали из специальных орехов, из отвара дубовой или ольховой коры, из железной ржавчины, вишневого клея. Переписчику мало хорошо знать грамоту — необходимы и художественные способности, так как начальные буквы и названия глав надо украшать животным или растительным орнаментом.

Кроме всего прочего, переписка книг была нелегкой физической работой. Тогдашний переписчик часто писал не на столе, а на ладони левой руки, которая опиралась локтем о колено. Этим делом занимались почти исключительно мужчины. Уже одно то, что за такой тяжелый труд взялась молодая женщина, было подвигом.

Часть переписанных Евфросинией книг шла на продажу, а полученные деньги по ее просьбе раздавали бедным.

Какие же книги долгими часами изо дня в день переписывала княжна в софийской голубнице? «Житие» не дает ответа, но можно с уверенностью говорить, что это было Святое Писание и сочинения отцов церкви, патерики и жития. Кроме них, перо просветительницы могло выводить строки византийских исторических хроник и Полоцкой летописи, популярных тогда сборников афоризмов. Евфросиния писала и собственные произведения — молитвы, проповеди, а также переводила с греческого и с латинского языков. Таким образом, некоторые произведения византийских авторов могли распространяться на восточнославянских землях в переводах полочанки.

Из «Жития» известно, что святая поддерживала переписку с Византией. Не будет противоречить исторической вероятности мысль, что Евфросиния обменивалась посланиями со своими соотечественниками и братьями по духу Кириллом Туровским, Климентом Смолятычем, а вероятно, и с автором «Слова о полку Игореве».

Конечно, при всей самоотверженности молодой монахини пло-

ды ее затворнических трудов были относительно невелики. Евфросиния мечтала о том, чтобы перепиской книг в Полоцке занимались не одиночки, а десятки грамотных людей.

### «Здесь надлежит быть тебе!»

Когда подвижники достигают нравственного совершенства, Господь призывает их к созданию своих духовных твердынь. Так было суждено и Евфросинии.

«Житие» рассказывает, что однажды во сне ангел взял ее за руку и отвел за две версты от Полоцка в Сельцо, где находилась деревянная церковь Спаса и каменный храм-усыпальница полоцких епископов. На этом месте ангел сказал монахине: «Здесь надлежит быть тебе!»

Сон повторился трижды.

В ту же ночь подобный сон видел и полоцкий епископ. Небесный посол велел ему ввести рабу Божью Евфросинию в Спасскую церковь, что в Сельце на берегу Полоты. Епископ услышал также пророчество об богоизбранности княжны, которую ждали святая жизнь и царство небесное.

Пригласив дядю Евфросинии полоцкого князя Бориса, ее отца Святослава-Георгия и именитых полочан, владыка объявил княжне-чернице, что отдает Сельцо. Получив благословение, Евфросиния помолилась в Софийском соборе и, взяв с собой одну монахиню, отправилась на указанное ангелом место.

Войдя в церковь Спаса, подвижница обратилась к Всевышнему с такими словами: «Ты, Господи, давая святым своим апостолам завет, повелел не носить с собою ничего, кроме посоха. Я же, повинуясь слову Твоему, пришла на место сие, ничего не взяв с собою, имея в себе только слово Твое: Господи, помилуй! А из богатства есть у меня только эти книги, которыми душа утешается и возвеселяется сердце...»

Так вблизи от Полоцка Евфросиния основала женский монастырь. Случилось это еще при жизни Бориса Всеславича, значит, не позже 1128 года, когда князь умер. Спустя некоторое время при церкви Богородицы (новой) подвижница учреждала еще одну оби-

тель — мужскую. Это тоже был подвиг: тогда, в начале XII века, монастырей в Полоцком княжестве, как и в других восточнославянских землях существовало немало. (От мужской обители Пресвятой Богородицы до наших дней не сохранилось никаких следов. Место, где она располагалась, точно не известно, но во времена Евфросинии был обычай строить загородные женские и мужские монастыри в близком соседстве, чтобы в случае опасности монахи защищали обе обители. Историк Алексей Сапунов высказал догадку, что церковь Богородицы и созданный при ней монастырь находились на том месте, где позднее появился костел св. Ксаверия, о котором теперь напоминает только название одного из полоцких кладбищ — Ксаверия, и это наиболее вероятно.)

В полоцких монастырях, уставы которых написала сама Евфросиния, под ее руководством действовали мастерские по переписке книг — скриптории. Тут существовала специализация: один мастер делал цветные инициалы, второй — миниатюры, третий — переплеты. Когда была необходимость переписать книгу быстрее, ее делили на несколько частей. Разделение труда значительно увеличивало не только число книг, но и их художественный уровень. Из скрипториев книги расходились по всей Полоцкой земле и за ее пределы. Их читали ученые монахи и другие грамотные люди, по ним учились дети.

При одном из монастырей, чтобы украсить полоцкие храмы иконами, подвижница открыла иконописную мастерскую.

Созданные преподобной Евфросинией твердыни слова Божьего были и очагами и благотворительности. Там находили защиту, утешение и помочь вдовы и сироты, немощные и обиженные. Есть основания говорить о существовании при некоторых полоцких монастырях богаделени, возможно, больниц.

### Аз, буки, веди...

Полоцкое княжество нуждалось в образованных людях. Школьы были и у тут и до Евфросинии, но основание подвижницей монастырей, ее педагогическая деятельность дали школьному делу новый мощный толчок.

Дети в тогдашних школах учились чтению, письму, «цифири» и церковному пению. В литературных памятниках той эпохи часто можно встретить похвалу книжному учению. Они сравнивают людей без науки с бескрылыми птицами: подобно тому, как такая птица не может подняться в небо, так и человек не способен достичь без книг «совершенна разума».

Грамоте учили по церковным книгам — Псалтыри, Часослову, Апостолу. Овладение чтением осложнялось тем, что в рукописных книгах не было знаков препинания, слова и предложения часто сливались. Сначала требовалось заучить на память азбуку с трудными названиями букв — «аз», «буки», «веди»... Одновременно дети учились выводить буквы писалом на бересте или на вощенных дощечках. Потом учили слоги: «веди»—«аз» — «ва», «буки»—«он» — «бо»... Затем ученик должен был усвоить титлы — надстрочные знаки в виде ломаной черты, которые ставились над сокращенными словами либо над буквами, имевшими цифровое значение. Справившись с этой премудростью и научившись читать отдельные фразы и молитвы, а также писать, дети завершали первый цикл своего обучения. На это уходило два-три года.

Примерно так начинала постигать грамоту девора и в школах, открытых стараниями Евфросинии. Однако высокообразованная игуменья стремилась расширить рамки обычной программы. Кроме церковнославянского, юные полочане изучали греческий и латинский языки, получали знания по природоведению, риторике, медицине. Большое внимание уделялось истории. Ученики должны были хорошо знать родословную династии Рогволодовичей, важные события из прошлого Полоцкой земли и всего восточного славянства. Наверное, школа давала определенные знания и по всемирной истории.

В своей педагогической деятельности Евфросиния опиралась на мудрость народной дидактики: «На всяк же день учаще сестры свое: старыя же учаще тръпению и воздръжанию, юныя же учаще чистоте душевной и бесстрастию телесному,.govению образному, ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну, при старейших молчати, мудрейших послушати, къ старейшим покорением, къ точным <равным> и меньшим любовь без лицемерия, мало вещати, а много разумети».

Автор «Жития» был младшим современником подвижницы, возможно, даже ее учеником. Приводимые им фрагменты наставлений Евфросинии, судя по всему, имеют реальную основу. Ученики и обитатели монастырей получали от игумении прекрасные уроки красноречия. «Се собрах вы, яко кокошь <наседка> птенца, подкрыле свои и в пастину свою, яко овца, — обращается она к сестрам. — Да пасецеся въ заповедех божиих! Да и аз <я> веселым сердцем подвизаюся учили вас, видящи плоды ваша трудныя и толико дождь проливаю къ вам, а нивы ваша въ едину меру стоят нерастуще, ни поступающе горе. А год приспевает свершению, и лопата на гумне лежить. Но боюся, егда будет плен <плевела> въ вас. Подщитеся, чада моя, убежати того всего! Но сотворите ся пшеница и осмелитесь въ жерновах смирением...» Впечатляют богатая образность этого отрывка и ее прозрачность, тесная связь метафор и сравнений с жизнью простого человека. Здесь, как и в других фрагментах «Жития», видна несомненная ораторская одаренность просветительницы.

Книжница Евфросиния не могла не обратить внимания на помещенный в «Изборнике» Святослава 1073 года трактат о поэтике «Об образах», где на примерах (в том числе из «Илиады» и «Одиссеи») объяснялось значение различных тропов — аллегорий, гипербол, метафор. С учениками Полоцких школ, во всяком случае, с наиболее способными, проводились занятия и по поэтике.

Школы Евфросинии Полоцкой являлись передовыми для своего времени и по программе обучения, и по составу учеников, большинство которых были детьми простых горожан.

### Сестры-монахини

Помощницами и опорою Евфросинии в ее многочисленных заботах начинаниях стали ее сестры: родная Гордислава (в монашестве Евдокия) и двоюродная Звенислава (Евпраксия). Однако попали они в монастырские стены по-разному.

Основав Спасскую обитель, молодая игуменья попросила отца прислать кней сестру для обучения грамоте. Евфросиния «съ прилежанием учаще о спасении души, а она (Гордислава. — B. O.) съ

прилежанием учашесь и приимаше, яко нива плодовита, умякчивши сердце свое». Затем «Житие» сообщает, что игуменья тайно постригла сестру в монахини, вызвав этим великий гнев отца. «И узъярився на преподобную Ефросинию, сердцем горя. И приеха к монастырю, плахоля: «Чадо мое милое, что се сотворила еси? Приложи сетование кь сетованию душимоей, и печаль кь печали». Но найдя путь к сердцу сестры, просветительница сумела утешить Божиим словом и родителей.

Со Звениславою было иначе. Она пришла к сестре сама и «принесе всю свою утварь златую и порты <наряды> многоценныя» — видимо, пожертвовала храму Спаса свое приданое. Евфросиния и Евпраксия были очень близки — «яко единадуша въ двою телесу».

Сестры оставались вместе всю дальнейшую жизнь. Звениславу-Евпраксию полоцкая игуменья избрала своей спутницей, отправляясь в конце земного пути в Иерусалим. Родной сестре Евдокии, покидая Полоцк, она повелела «дръжати и урядити... оба монастыря». После смерти Евфросинии Евдокия, вероятно, заняла место настоятельницы Спасской обители и продолжала просветительскую деятельность старшей сестры.

Повествуя об отъезде преподобной в последнее путешествие, «Житие» приводит также известия о пострижении Евфросинией в монастырь ее племянниц Ольги и Кирианны. Каки вслучае с Гордиславой, это произошло против воли родителей. Узнав о намерении игуменьи, отец девушек, ее любимый брат Вячеслав пытался возвратить к милосердию: «Госпоже моя! Что ми хощеши сотворити? Два плача прилагаещи душимоей: плача ся отхода твоего исступя чаду деля своею», но его просьбы были напрасны. Других сведений о племянницах Евфросинии не сохранилось, однако они как представительницы княжеской династии Рогволодовичей должны были играть в монастырской жизни не последнюю роль.

Не следует, как поступают некоторые, видеть в описанном выше поведении игуменьи жестокость. Подобные (может, и вправду не очень гуманные с нашей точки зрения) поступки диктовала Евфросинии забота о душах близких, о будущем своего дела.

Автор «Жития» утверждает, что святая имела такой дар от Бога: взглянув на кого-то, сразу могла увидеть, может ли этот человек быть избранником Божиим.

## От упадка к возрождению

Основанный преподобной Евфросинией Спасский монастырь на протяжении столетий переживал и времена возвышения, и годы полного упадка и запустения. Надо скептически отнестись к словам отдельных русских авторов о том, что черницы покинули свой приют во время нашествия Батыя. Дымно-кровавый след татарских орд остался в XIII веке только на самом юге белорусских земель. Вообще же Беларусь, в отличие от своих восточных соседей, татаро-монгольского ига не знала. Более правдоподобно, что во время нашествия в Полоцких монастырях спасались беглецы из других восточнославянских княжеств.

Тяжелые испытания наступили для Спасо-Евфросиниевского монастыря, когда Московия начала настойчивые попытки захватить белорусские земли, окончательно вошедшие в начале XIV века в состав Великого княжества Литовского. Это было мощное феодальное государство, ядром которого являлась Беларусь, а господствующей культурой — белорусская, причем белорусский язык без малого четырех столетия выполнял роль государственного.

Когда в 1563 году воинство Ивана Грозного шло на Полоцк, наслышанные о звериной жестокости московского царя монахи с плачем простились со Спасской обителью. Они уже не вернулись туда ни в годы царской оккупации, ни после изгнания московитов из Полоцка в 1579 году королем и великим князем литовским Стефаном Баторием, которого белорусы называли Степаном Батурой.

Почти все Полоцкие монастыри, в их числе и Спасский, вместе с землями и другим имуществом Батура передал ордену иезуитов.

В 1654 году Полоцк вновь заняли русские войска. Спустя два года туда приехал царь Алексей Михайлович, который «ходил... в Спасской монастыре, что бывал девичей монастырь благоверной великой княжны Евфросинии Полоцкой... Того же месяца июля в 9 день... было священие церкви Преображение Спасово». По Андрушевскому миру 1667 года город был возвращен Речи Посполитой. Вернулись в монастырь и иезуиты, остававшиеся здесь хозяевами и после захвата Беларуси Россией в конце XVII века, вплоть до их изгнания из Российской империи в 1820 году. При них на месте древнего монастырского здания был построен двухэтажный дом — лет-

## «ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

няя резиденция иезуитских генералов. До 1832 года обитель принадлежала католическому ордену пиаров, потом вначале монастырский собор, а вслед за ним и другие строения царские власти передали православным.

Спасо-Евфросиниевская обитель в 1840 году была восстановлена и по причине своей древности и значительности причислена к первоклассным российским монастырям. При ней начало действовать женское училище, многие выпускницы которого стали народными учительницами.

Закрытая безбожной властью в 1928 году (тогда в ней жило около 250 монахинь), Спасо-Евфросиниевская обитель возобновила свою жизнь в период немецкой оккупации. В послевоенное время расположенная вблизи воинская часть начала взимать с обитательниц монастыря... квартирную плату. Вскоре его вновь закрыли, и монахини (в 1953 году их было 54) вынуждены были выехать в Жировичи, что под Слонимом.

Сегодня древняя обитель переживает свое новое возрождение, начавшееся в 1989 году. Монастырь вновь стал местом паломничества верующих со всей Беларуси и ее близкого и дальнего зарубежья. Посетить основанный Евфросинией очаг христианской духовности считают своим долгом, бывая на родине, наши соотечественники из других стран. Значительные средства на восстановление монастыря пожертвовали активные члены Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» Анатолий Лукьянчик из США и сибирский предприниматель Анатолий Силивончик. Забегая вперед, отметим, что он же был в числе тех, кто сразу поддержал идею воссоздания Креста святой Евфросинии.

## Взлет полоцкого зодчества

Политическая независимость Полоцкой державы способствовала возникновению в ней самобытной школы зодчества. Она складывалась на основе византийской архитектурной традиции, в соответствии с которой был возведен Софийский собор. Однако здесь эстетические идеалы византийцев получили своеобразное понимание и развитие, испытав и западноевропейские влияния.

В Полоцком княжестве начинаются поиски новых архитектурных форм, свидетельством чего стало строительство в Витебске церкви Благовещения, где идеи византийского крестово-купольного храма сочетаются с некоторыми чертами архитектуры Западной Европы. Отходом от прежних канонов отличались церковь-усыпальница полоцких епископов, храмы Бельчицкого (Борисоглебского) монастыря, основанного в Полоцке на рубеже XI–XII веков.

В середине XII века окончательно сложилась полоцкая школа зодчества. Для нее была характерна кладка из плинфы (тонкого, хорошо обожженного кирпича) с так называемым «скрытым рядом», когда одни ряды плинфы выступали, другие были как бы спрятаны вглубь, а промежуток между ними заполнялся цемянкой — известковым раствором, куда добавляли толченый кирпич. Извне здания не штукатурили, и такая техника кладки создавала двухцветную «полосатую» гамму стены. Полоцкие мастера отходят от византийских крестово-купольных храмов с несколькими апсидами\* и приближаются к созданию принципиально новых форм.

Наивысший взлет полоцкой архитектурной школы, связанный с творчеством зодчего Иоанна, приходится на годы деятельности Евфросинии, что, конечно, неслучайно.

Иоанн был монахом одного из местных монастырей. Этот неделенный самобытным талантом мастер оставил в Полоцке не менее трех храмов. Княжна-игуменья внимательно следила за его творчеством. Тем временем Спасская обитель пополнялась монахинями. Черницы приносили дары, светские лица тоже делали щедрые пожертвования. Тесная деревянная церковь уже с трудом вмещала всех приходящих на молитву. Замыслив строить для своего монастыря собор, Евфросиния, естественно, обратилась к Иоанну, который к тому времени воздвиг такие примечательные храмы, как церкви Параскевы-Пятницы и Бориса и Глеба в Бельцах.

«Бемуж Иоан, приставник надделатели церковными <руководитель артели мастеров-каменщиков>, — повествует «Житие». — Къ немуже многажды прихожаше, глаголила: «Иоане, востани по иди на дѣло вседръжителю Спасу!» И въ един от дній востав, Иоан

---

\* Апсиды — полуокруглая или многоугольная часть храма, которая выступает за его общие контуры и в которой помещается алтарь.

прииде къ блаженой Евфросинии и рече: «Ты ли, госпоже, присылаши и понужаешь мя на дело? Она же рече: «Ни». И паки размысливши премудряжена и рече ему: «Аще не азя возбуждаю, а кто тязвывает на таково дело, того послуша, и прилежно съ тщанием».

«И потом блаженая Евфросиния заложи церковь камену святого Спаса. От начатка и устроена за 30 недель».

В конце работы у каменщиков, согласно «Житию», кончился кирпич и не было чём «верха окончати», но назавтра после молитв игумены мастера обнаружили «плиты въ пещи».

Известный русский историк Леонид Алексеев называет строительство Спасского собора «крупнейшим событием в полоцкой и во всей древнерусской архитектуре». Евфросиния же была не только заказчицей храма, но и советчицей, вдохновительницей Иоанна на творческий подвиг.

Возведенная за один строительный сезон Спасская (теперь ее часто и не совсем правильно называют Спасо-Евфросиниевской) церковь — вершина архитектурной мысли Полоцка. Это трехнефный шестистолпный крестово-купольный храм монастырского типа размером 8x12 метров. Центральный широкий неф\* с востока завершает массивная полукруглая апсида, а боковые нефы — спрятанные втолще стены полукруглые ниши. Южный и северный фасады украшены пилястрами с полуколоннами. Они ритмически делят поверхность на два узких два широких простенка с размещенными на двух уровнях полуциркульными окнами.

Храм имел позакомарное\*\* покрытие основного объема и более низкого притвора. Барабан купола возвышался над сводами и опирался на кубический постамент. Важной чертой Спасского собора было то, что здесь впервые на территории Беларуси появились коношники (мнимые закомары, имеющие декоративное значение). Закомары и коношники были килевидными, что еще больше подчеркивало стройность храма. Церковь завершал барабан с удлиненными окнами и шлемоподобным куполом. Внутри храма особенности композиции рождали иллюзию его громадной высо-

\* Н е ф — удлиненная часть храма, ограниченная с двух или с одной стороны рядом колонн или столбов.

\*\* З а к о м а р а — полукруглое или килевидное завершение части здания, соответствующее форме внутреннего свода.

ты. В западной стене, которая в два раза толще, чем северная и южная, идет ход на хоры, по обе стороны хоров — кельи Евфросинии (с южной стороны) и Евдокии (с северной). Здесь прошла значительная часть жизни просветительницы и ее сестры.

Иоанн поставил перед собой задачу создать композицию, устремленную ввысь, и блестяще справился с нею. Стоящая на берегу Полоты и прекрасно вписанная в ландшафт Спасская церковь и теперь, после проведенной в XIX веке частичной перестройки, вызывает удивительно сильное впечатление завершенности гармонии.

Для Евфросинии и ее современников каждый храм был образом и моделью Вселенной. В храмах воплощались идеалы красоты и совершенства. Думается, что чувства игуменьи, когда она впервые увидела новый собор без лесов, были созвучны чувствам Михаила Пселла, который в своей «Хронографии» писал о храмах: «Очей невозможно отвести не только от невыразимой красоты целого, из чудесных частей сплетенного, но и от каждой части в отдельности, и хотя от них можно получать наслаждение бесконечно, ни одной не удается налюбоваться вдоволь, ибо взгляд к себе притягивает каждая...»

Белорусский историк Георгий Штыхов и ряд других исследователей считают, что Спасский собор построен между 1152 и 1159 годами и.

Окончанием строительства и освящение храма полоцким епископом несколько дней праздновалось в городе. Автор «Жития» сообщает: «Преподобная же Евфросиния, видевши церковь совершенную, возрадаваясь душою. И бысть священие и велия радость всем крестьянам. И собираясь князи и сильнии мужи, черноризиции черноризици, и простие людие. И бысть радость велия. И праздноваша дни мноzи».

Поддержаные просветительницей новаторские идеи Иоанна начали быстро распространяться не только на родине, но и в соседних княжествах. Этому благоприятствовала работа полоцких мастеров в других восточнославянских землях. В конце 80-х — начале 90-х годов XII века кто-то из полоцких зодчих возвел в Смоленске княжеский дворцовый собор архангела Михаила и заложил этим основы смоленской архитектурной школы. Примерно в то же время полочане построили на Синичьей горе в Новгороде церковь Петра и Павла. В Новогрудке полоцкие архитекторы во второй по-

ловине XII века возвели из плинфы галерею трехапсидного храма, находившегося на месте современной Борисоглебской церкви.

Спасский собор сохранился до наших дней, но ему была предначертана нелегкая судьба. С 1581 года (с небольшим перерывом в 1654–1667 годах, когда город был занят русскими войсками) храм принадлежал иезуитам, которые превратили его в костел. После изгнания иезуитов из Полоцка церковь вместе с монастырем, как уже отмечалось, перешла к ордену пиаров. В 1832 году ее передали православным. С августа следующего года там возобновились богослужения. Во время начатого тогда ремонта церковь частично перестроили (архитектор А. Порта). В итоге гениальное творение зодчего Иоанна существенно изменило свой облик. На месте по-закомарного покрытия появилась трехскатная крыша, шлемоподобный купол превратился в «луковицу»... В наше время специалисты «Белреставрации» разработали проект восстановления храма в его первозданном виде.

## Древние лики

В фондах Русского музея в Петербурге хранится древняя икона Божьей Матери, известная под названием Одигитрия Полоцкая. У этого живописного произведения XII века очень интересная история.

Она начинается с решения Евфросинии украсить собор, который был построен для основанного ею Богородицкого мужского монастыря. Из «Жития» мы узнаем, что знаменитая полочанка послала слугу Михаила в Царьград (Константинополь) к византийскому императору Мануилу Комнину и патриарху Луке Хрисовергу. Посланец вез богатые дары и просьбу Евфросинии прислать ей икону Богородицы Эфесской, одну из трех, которые, согласно византийской традиции, еще при жизни Девы Марии написал с нее первый иконописец апостол Лука, считавшийся по этой причине в средневековые покровителем художников.

Император отнесся к просьбе полоцкой родственницы с пониманием. Отправленные им в Эфес сто воинов принесли икону в Константинополь, откуда после благословения патриархом в храме святой Софии реликвию отослали Евфросинии. «Она же, — читаем в

«Житии», — внесше въ церковь святей Богородици и постави ю <ее>... и украсию златом и камением многоценным».

Надо сказать, что немало исследователей, в том числе и церковные историки, высказывают резонные сомнения, что в Полоцк попал оригинал древней иконы. Действительно, зачем было патриарху благославлять икону, написанную апостолом и прославленную многочисленными чудесами? Если же это была копия, действия патриарха выглядят вполне логично. Причем речь более правильно будет вести о копии не с Эфесской, а с Царьградской иконы.

Одни редакции «Жития» сообщают, что присланная Евфросинии реликвия хранилась в храме Спаса, другие — что в церкви Богородицы. Подобные разнотечения, наверное, объясняются тогдашним обычаем носить Одигитрию (в переводе с греческого — Путеводную) по всем полоцким храмам. При этом дольше всего она могла задерживаться как раз в двух монастырских хсборах. Выносили икону по вторникам — как и Одигитрию Царьградскую в Константинополе.

Есть сведения, что в 1239 году икону перенесли из Полоцка в город Торопец и передали в местную Воскресенскую церковь. Причиной столь щедрого пожертвования было венчание в этом храме дочери полоцкого князя Брячислава княжны Параскевы из рода Рогволодовичей и князя Александра Ярославича, позднее названного Невским. Согласно иной версии, Полоцкая Одигитрия попала в Торопец во время Ливонской войны в XVI веке вместе с черницами Спасо-Евфросиниевского монастыря, спасавшимися от «православнейшего» монарха Ивана IV Грозного.

В нашем столетии реликвия «переехала» в петербургский музей.

Впрочем, эти версии отвечают на все вопросы.

В 1663 году, во время тяжелейшей войны Речи Посполитой с Московским государством, еще один выдающийся полочанин — писатель, педагог, церковный деятель Симеон Полоцкий пишет стихотворение «Апрель 27. Взенто образ на свентшэй Богородицы з Полоцка до Москвы». Он обращается к святой Евфросинии с молитвою о возвращении в Полоцк взятой русскими чудотворной иконы Богородицы.

Ты еси мати, о Еуфросиние,  
Жытелем града всим удобрение.  
Яже потщася икону святую  
Внести здалеча в страну Полоцкую.  
От Цариграда або из Иефесе  
Цар благоверны всечестна прынесе,  
Твоего ради зельна прошения,  
Россыйских дело стран укращения.  
Прыподи кногам небесного цара,  
Да не лишыт нас толикаго дара.  
Потышыся паки возвращеней быти,  
Иконе святей Полоцк украсити.  
Отчынны град твой, в нем же бы трудися,  
Христу жениху сиуневестися.  
Ибо толику град нам укращает  
Девыя образы всюду вславляет.  
Якое ест слонцем небо укращенно,  
Светлым извезды дивно упестренно.  
Полотски граду бе утвержение,  
Столп, стена, помошчы огражение.  
Нине без него како нам пребыти? —  
Аки безслонца не удобно жыти.  
Убо, о Мати, прыпади за нами  
Господу Богу твоими рабами,  
Да возвратилбы нам икону святую  
Просветил землю Белороссыйскую.

О какой же иконе говорит поэт?

О попавшей в Полоцк из Византии в XII веке? (Обратим внимание на строку: «От Цариграда або из Иефесе», которая может быть косвенным свидетельством, что византийские мастера сняли копию с написанной апостолом Лукой Царьградской иконы. Во всяком случае, Симеон Полоцкий достоверно не знает, откуда попала святыня в его родной город.)

О юпии, сделанной полоцкими художниками передтем, как икона Одигитрии, перед которой молилась некогда преподобная Евфросиния, была отправлена в Торопец?

Одигитрия Полоцкая — самый ранний образец этого иконографического типа на восточнославянских землях. Такие памятники имеют чрезвычайно большое значение, ибо с них обычно начинается художественная традиция. Видимо, неслучайно изображения Одигитрии — один из самых излюбленных сюжетов белорусских иконописцев.

Ию напоражает прямой горделивой по зой, безукоризненным и пропорциями. На плечи Богородицеторжественно спадает мофорий (женский головной убор) с мастерски нарисованным искладкам и.

Подлинная Полоцкая Одигитрия сегодня спрятана под более поздними красками, однако представление о первоначальном изображении дает фотоснимок, сделанный электронно-оптическими приборами в инфракрасном спектре. Исследователь древней иконы Виктор Шматов пишет о ее чистых и звонких красках, спокойном благородстве и чистоте образа святой, о сострадательно-приветливом выражении слегка наивного прекрасного лица и нежности в широко открытых глазах.

Ученый допускает, что икона из фондов Русского музея могла быть создана не в Византии, а в самом Полоцке по присланному императором Мануилом и не сохранившемуся до наших дней образцу. Определенные основания для этой гипотезы дает стилевое подобие Полоцкой Матери Божьей с монументальной живописью Спасской церкви.

Как известно, заказчицей фресок в построенном Иоанном соборе была Евфросиния. Здесь она вновь предстает как собирательница талантов.

Спасская церковь — единственный в Беларуси храм, где фресковые росписи ХІІ века сохранились почти полностью. Размещенные ярусами фрески украшали стены, столбы и купол, с высоты которого благословлял верующих Спаситель. Многофигурные композиции чередовались с однофигурными. Древние изображения и теперь волнуют своей одухотворенностью,держанной, но богатой гаммой, где сочетаются коричневые, красные, желтые, синие, изумрудно-зеленые цвета и оттенки.

Первые попытки расчистить спрятанные под масляными красками XIX века полоцкие фрески были предприняты в 1929 году экспедицией Центральной государственной реставрационной мастерской (Москва), в состав которой входил известный живописец и ис-

кусствовед И. Грабарь. В 80-е годы фрески изучала экспедиция сектора древнебелорусской культуры Института искусства ведения, этнографии и фольклора АН БССР. Основательный их анализ сделан О. Терещатовой в ее книге «Старажытнабеларускіманументальны жывапіс XI–XVІІІ стагоддзяў», а также А. Селицким в монографии «Живопись Полоцкой земли XI–XIII веков». Добавим, что уже несколько лет в церкви работают художники-реставраторы, что дает надежду увидеть уникальные росписи в их изначальной красоте.

Возможно, самым интересным открытием последнего времени стали фрагменты росписей в келье самой Евфросинии. Пространство стен ее молельни занимали композиции семифигурного «Деисуса», «Благовещения», «Распятия», «Сретения» и других. Характерные черты этих фресок — их камерность и живописность. Тут сохранилось изображение Девы Марии, тонкие совершенные линии лица которой напоминают лучшие греческие образцы.

Фрески Спасской церкви поражают психологической глубиной, эмоциональностью, духовной активностью образов. Полоцкие мастера были хорошо знакомы с классической византийской манерой живописи той эпохи, а также с приемами романского искусства. Несколько манер письма (лица с крупными чертами, суровым мрачным выражением, с увеличенными глазами на одних фресках почти портреты на других) наводят на мысль, что здесь работал не один живописец.

Наиболее индивидуализированные в храме Спаса — женские образы. На такое жизненно вероятное изображение не отваживались ни киевские, ни новгородские иконописцы. Самое сильное впечатление оставляет святая на северо-западном граненом столбе, который поддерживает хоры. Лицо с дугоподобными бровями и особенно глаза написаны настолько проникновенно, с такой жизненной убедительностью, что невольно возникает мысль: перед нами не святая, а реальная земная женщина. Испытывающий и твердый взгляд ее глубоких глаз говорит о богатой и напряженной духовной жизни, наводит на размышления о достоинстве человека, смысле его существования. Нет ничего удивительного в том, что некоторые исследователи уже давно называют этот фрагмент портретом самой Евфросинии Полоцкой. В любом случае, на художника не могла не влиять телесная и духовная красота просветительницы и ее сестер.

С именем преподобной Евфросинии навечно связано и создание полоцким мастером Лазарем Богшой знаменитого Креста — шедевра древнебелорусского ювелирного искусства, которому предначертано было стать нашей национальной святыней. О загадочной и драматической судьбе Креста святой Евфросинии и подвижнических трудах по его восстановлению в наши дни пойдет речь в последующих главах книги. Пока же продолжим повествование о земном пути полоцкой игумении и признании ее святости.

### О чем молчит «Житие»

Евфросиния, как и другие восточнославянские подвижники, никогда не теряла связи с народом, была его наставницей и судьей.

Созданное по канонам своего жанра «Житие» молчит о драматических событиях, происходивших в то время на земле наших предков. Но просветительница, несомненно, была их деятельной участницей и почти полстолетия существенно влияла на политику Полоцка.

Независимое Полоцкое княжество в XII веке вступило в закономерный процесс феодального дробления на уделы: Менский, Друцкий, Изяславский, Витебский, Логойский... В них правили сыновья Всеслава Брячиславича Чародея и их потомки, которые вели между собою упорную борьбу за полоцкий престол. Среди них выделялся менский князь Глеб Всеславич. Долгое время он довольно успешно воевал с Владимиром Мономахом, но все же был побежден и в 1119 году умер (видимо, был отравлен) в Киеве.

В юности Евфросиния стала свидетельницей похода на Полоцкую землю, организованного преемником Мономаха великим киевским князем Мстиславом. Тогда, в 1127 году, объединенные силы восьми князей до Полоцка не дошли, но полочане вынуждены были изгнать своего князя Давыда с сыновьями и принять, наверное, более угодного Киеву Бориса Всеславича. Два года спустя Рогволодовичи отказываются идти на половцев, и Мстислав отправляет непокорных князей в Византию.

Во время высылки Рогволодовичей игуменья Евфросинья осталась, возможно, единственной представительницей полоцкой династии на родине. Киевские ставленники грабили страну, подрывая

экономическую базу Полоцкой земли, ходили походами на ее данников, расправлялись со сторонниками отправленных в Византию князей. Укрывшись за монастырскими стенами, просветительница была своеобразным знаменем борьбы полочан за независимость.

Трудно судить, принимали ли Евфросиния непосредственное участие в вечевых сходах, но ее воздействие на вече было очень значительно. Через него игуменья влияла не только на приглашение в Полоцк князей, но и назначение епископов, ибо вече должно было одобрить предложенную киевским митрополитом кандидатуру.

Думается, именно с согласия Евфросинии, а может, и по ее совету в 1132 году жители Полоцка изгнали присланного из Киева Святополка Мстиславича и провозгласили своим князем Васильку Святославича из династии Рогволодовичей, который тайно возвратился из Византии или же каким-то образом смог избежать высылки. «Полочане же рекше: «лишается нас» и выгнаша Святополка, а Василка посадиша Святославича», — сообщает об этих событиях летопись.

В качестве миротворицы могла выступить княжна-игуменья и в 1137 году, когда мимо Полоцка проходил с дружиной на Псков осужденный новгородцами и на изгнание князь Всея волод Мстиславич, сын того самого Мстислава, который высылал Рогволодовичей в Византию. Полоцкий правитель Василька располагал достаточной силой, чтобы отомстить сыну за жестокость отца, но вместо этого велиюдушно проводил Всея волода через свои волости и поклялся забыть о давней вражде. Вряд ли без участия Евфросинии, стремившейся прекратить наследственную вражду Рогволодовичей и потомков Ярослава Мудрого, обошелся и брак дочери полоцкого князя Васильки и сына гостеприимно принятого им Всея волода.

Наделенная не только ясным умом, но и сильной волей и решительностью, Евфросиния имела большой вес в решении политических проблем и в дальнейшем. Она не могла стоять в стороне от событий 1151 года, когда полоцкое вече отказалось в доверии князю Рогволоду-Василию и пригласило из Минска Ростислава Глебовича. Через восемь лет полочане вновь приняли к себе Рогволода, начавшего борьбу с менскими Глебовичами. Об этом подробно повествует Киевская летопись. Мы узнаем, что в Полоцке «бысть мятеж велик... мнози бо хотяху Рогволода». В городе возник заговор против Ростислава. «Князе нашъ, — писали полочане Рогволоду, — согрешили есмь к Богу и к

тебе, оже вестахом на тя без вины и жизнь твою всю разграбихом и твоей дружины, а самого емше выдахом тя Глебовичем на великую муку. Да еще ныне помянеши всего того, иже створихом своим безумием, и хрестк нам целуеши, то мы людие твое, а ты еси наш князь, а Ростислава ти емше вдамы вручe <захватив, предадим тебе в руки>, а еже хощеши, то створиши ему...»

Покушение на Ростислава назначили на день святого Петра, когда князя можно было вызвать на братчину у церкви (старой) Богородицы. Однако предупрежденный кем-то князь приехал, надев под праздничную одежду кольчугу и взяв с собой большую охрану. На следующий день его сторонников избили на вече, а сам Ростислав с дружиной бежал и «многа зла створи волости Полоцкой, воюя и скоты и челядь».

Авторитет, которым пользовалась в то время княжна-игуменья, позволяет причислить ее к возможным авторам письма князю Рогволоду-Василию.

В тогдашней сложной политической ситуации Полоцк вначале вступает в союз со Смоленском, затем борется против недавних союзников с помощью Чернигова. Усобицы продолжаются с переменным успехом. Больших жертв стоила в 1162 году битва Рогволода с Володарем. Под 1167 годом летопись сообщает, что менскому князю Володарю удалось ненадолго захватить Полоцк.

Патриотка своей земли, Евфросиния не могла не принимать ее невзгод близко к сердцу. «Житие» говорит, что она «ни хотяше видети никого же котораяющася <враждующим>: ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина со служанином — но всех хотяше имети, яко едину душу».

В последние годы жизни просветительницы в Полоцке княжил Всеслав Василькович. Евфросиния сравнивала этого князя со своим знаменитым дедом, его тезкой. Легко догадаться, что сравнение было не в пользу Всеслава II. И все же ему, видимо, не без помощи княжны-игумены удается притушить распри Рогволовичей (в конце правления Всеслава Василькова шесть полоцких князей участвовали в походе на Друцк, где сидел смоленский ставленник). Возможно, относительное спокойствие в Полоцкой земле также повлияло на решение Евфросинии совершить путешествие в Иерусалим.

Подвижница хорошо понимала, что затишье это — временное

и на смену ему придутновые братоубийственные войны, последствия которых могут быть катастрофическими. Мы уже отмечали тождественность идей знаменитой полочанки и автора «Слова о полку Игореве».

Ярослава все внуки и Всеслава!  
Склоните стяги свои,  
вложите в ножны свои мечи поврежденные,  
ибо лишились вы славы дедов.  
Вы ведь своими крамолами  
начали наводить поганых  
на землю Русскую,  
на богатства Всеслава.  
Из-за усобицы ведь настало насилие  
от земли Половецкой!\*

Между смертью просветительницы и рождением выдающегося произведения нашей древней литературы прошло около двадцати лет, но мы имеем полное право утверждать, что такие мысли могли принадлежать и Евфросинии.

### Последняя дорога

На закате жизни Евфросиния решила совершить духовный подвиг паломничества в Святую Землю. Брат Вячеслав с другими родственниками и все жители Полоцка, собравшись в Спасском монастыре, просили игумению не покидать их. Преподобная же утешила земляков, что поедет молиться за них и за родную землю. Как мы уже знаем, в те дни Евфросиния сделала Христовыми невестами двух своих племянниц — Ольгу и Кирианну.

Передав игуменство младшей сестре Евдокии, сама Евфросиния начала готовиться к отъезду. В те времена в далекие путешествия отправлялись обычно — чтобы избежать бездорожья — в начале зимы или ранним летом. Выехав из Полоцка вскоре после Рождества, весной можно было достичь границ Византии.

\* Перевод Дмитрия Лихачева.

Видимо, отпраздновав Рождество Христово, двинулись в дорогу и полоцкие паломники.

Евфросинию сопровождали двоюродная сестра Евпраксия и брат Давыд. Вначале путешественники, наверное, ехали по рекам на санях, а потом частью по сухе, частью водным путем, преодолевая за день 30–40 верст. Повсюду в восточнославянских княжествах известную полочанку ждал радушный прием. На своем пути она встретилась с византийским императором Мануилом Комнином, шедшим войною на венгров. Кесарь принял родственную очень гостеприимно и «съ великою честью посла ю <ее> въ Царьград». Там паломники посетили собор св. Софии, приобрели золотое кадило, дорогие фимиамы и другие необходимые в Святых Местах предметы и, получив от патриарха благословение, поехали дальше.

Междупрочим, встреча Евфросинии императором Мануилом да-  
ет определенные основания поставить под сомнение принятую согласно «Житию» дату паломничества и смерти святой (1173). Упомянутый византийский кесарь последний развоевал венграми в 1167 году, при-  
чем выступил в поход на Пасху, 8 апреля. Примерно в то же время пределов его страны должны были достичь и полоцкие паломники.

Кроме того отметим, что племянница Евфросинии постригалась в монастырь епископ Дионисий, занявший полоцкую кафедру около 1166 года. На основании этих фактов церковный историк Лев Горошка, Алексей Мельников и другие исследователи предложили отказаться от общепринятой и вошедшей в некоторые энциклопедии даты и считать годом смерти святой Евфросинии 1167-й. Именно эту, уточненную дату называет современная «Энциклопедия истории Беларуси».

В конце апреля игуменья и ее спутники прибыли к древним иерусалимским стенам. Как гласит «Житие», Евфросиния послала своего слугу Михаила к патриарху просить, чтобы ей отворили Христовы врата. По всей видимости, речь идет о Золотых вратах, через которые со стороны Елеонской горы Христос вошел в Иерусалим в Вербное воскресенье.

Во время паломничества преподобной княжны-игуменьи Иерусалим принадлежал крестоносцам, а правил в нем король Амальрих I. Интересно, что monarch по мнению некоторых историков, также был в родстве с Евфросинией — через жену французского короля

## «ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

Генриха I Анну, которая была дочерью Ярослава Мудрого, сына княгини Рогнеды Рогволодовны. Кроме того, Амальрих I был женат на племяннице императора Мануила Комнина.

Все это, видимо, благоприятствовало получению разрешения. Евфросиния вошла в город через Христовы врата и отправилась к Гробу Господнему, где самозабвенно молилась и курила из золотого кадила дорогими благовониями. Поселившись в монастыре святой Богородицы, полоцкая паломница приходила к Гробу три дня подряд. На третий день она оставила там приобретенное в Царьграде кадило и другие золотые дары, а также многочисленные фимиамы и обратилась к Господу с молитвой, в которой просила, чтобы позволил ей умереть в святом городе, где произошло искупление рода человеческого.

Вскором времени преподобная Евфросиния занемогла. Это не позволило ей самой сходить на реку Иордан, и она отправила туда брата с сестрой и служ. Те принесли госпоже иорданской воды, и паломница, поднявшись с постели, напилась и окропила себя ею, а потом снова легла, прося Господа скорее взять к себе ее душу.

«Житие» рассказывает, что Всеявшний послал к Евфросинии ангела, сообщившего, что ее молитвы услышаны и на небе уже ждут встречис с нею. Видимо, подражая Евфросинии Александрийской, которая подвидом мужчины жила и была похоронена в мужском монастыре, полоцкая игуменья отправила слугу просить место для захоронения к архимандриту иерусалимского монастыря святого Саввы. Ответ был вежливым, но непреклонным: устав монастыря, соблюдая волю своего святого, запрещал хоронить женщин. Архимандрит посоветовал обратиться в Феодосиев монастырь св. Богородицы, где почивали останки матерей святых Саввы и Феодосия и святых бесребренников Козьмы и Дамиана. Евфросиния приняла совет и купила себе там место и гробницу.

На двадцать четвертый день болезни она почувствовала скорую кончину, позвала священника и, исповедовавшись и причастившись, отдала душу Всеявшему. «Давыдже и Евпраксия и с прочими спряташа тело ея честно».

В стихирах\* в честь Евфросинии (по списку конца XVI века) поется:

\* Стихира — церковная песня в честь праздника или святого.

Яко виноградо Русюи земли Полтеску граду,  
насадив бого прежде тебе,  
ныне же принесе и преложи в землю обетованную,  
преподобная Ефросиние, мнихом о удобрение.

Умертвиоши тело и душу оживила еси,  
из земли отеческыя Полотского града,  
воздвигоши во Сионе преиде  
и всего своего богатства раздала еси,  
итамо приемоши небесеная.

### Мощи и чудеса княжны-игумении

Вскоре после смерти прославленной полоцкой паломницы Святой Земле стали угрожать магометане. В 1187 году, готовясь к штурму Иерусалима, султан Салладин за выкуп позволил христианам покинуть город вместе со своими реликвиями. Как великое сокровище восточнославянские монахи взели с собою раку\* с нетленными останками Евфросинии.

Если верить преданию, монахи намеревались доставить святыню сразу в Полоцк, но этому помешала извечная враждебность полоцких киевских князей. Мощи положили в дальних пещерах Киевского Печерского монастыря в подземном храме Благовещения Пресвятой Богородицы, где реликвии довелось почивать более семи столетий. На родине гремели войны, попадала в чужие руки, приходила в запустение и вновь возрождалась Спасская обитель, а тут царил вечный покой. Верхсеребряной раки был открыт прикреплен к стене, останки преподобной Евфросинии закрыты покрывалом; в головах висела икона святой и горела негасимая лампадка.

Первые известные нам попытки вернуть мощи небесной заступнице Беларуси в ее родной город относятся к царствованию императора Александра II. Об этом вначале ходатайствовали жители Полоцка, потом, в 1864 году, от имени населения тринадцати волостей Полоцкого уезда и, конечно же, со своими целями душитель

\* Рака — ковчег для хранения святых мощей.

национально-освободительного восстания Кастуся Калиновского граф М. Муравьев-Вешатель. После третьего ходатайства полоцкого епископа Саввы в 1871 году с позволения Святейшего Синода возвратилась и 23 мая ст. стиля, в день памяти святой, была торжественно перенесена в Спасский монастырь небольшая часть мощей — средний палец правой руки.

Последующие просьбы Петербург неизменно отклонял, а при Александре III полочанам вообще запретили обращаться с подобными ходатайствами в высшие инстанции. Духовные и светские власти знали, что по вековой традиции Евфросинию Полоцкую почитали как свою святую и последователи насильственно упраздненной русским царизмом Унии, и боялись возвращением реликвии создать причины для роста «сепаратизма».

Тем не менее, просьбы о переносе мощей преподобной Евфросинии продолжали поступать как из Полоцка, так и из других городов белорусских губерний. Два доклада на эту тему были прочитаны в 1908 году на Всероссийском миссионерском съезде в Киеве. Съезд, участниками которого были 30 православных иерархов и около 300 священников, принял резолюцию о необходимости перенесения святыни в Полоцк. Вслед за этим аналогичные постановления стали приниматься на съездах верующих духовенства по всей Беларуси. Святейший Синод создал специальную комиссию, которая наконец вынесла благоприятное решение. Видимо, этому в какой-то мере поспособствовал и бывший в то время директором канцелярии обер-прокурора Синода уроженец Полоцкой епархии В. Яцкевич, который изучал жизнь и духовные подвиги Евфросинии и выступил с докладом.

Николай II согласился дать августейшее разрешение, но, конечно, не без опасений. И царь, и Синод прекрасно понимали, что имел дело с «небесною покровительницей Беларуси». Так Евфросинию порой называла российская пресса, хотя само название «Беларусь» в официальных документах согласно царскому указу было еще в 1840-м (год спустя после уничтожения Унии) запрещено и заменено на «Северо-Западный край». В печати раздавались голоса протеста православно-русских патриотов. «Труды Киевской Духовной Академии» тогда, в частности, писали: «Католики, как известно из истории, склонны признать преподобную Евфросинию

святой своей церкви. Поэтому следует даже бояться, что в результате планируемого перенесения мощей... из Киева в Полоцк могут произойти большие неприятности и вред православию».

Сразу после разрешения вернуть нетленные останки началась пропагандистская кампания, направленная на то, чтобы будущие торжества послужили «укреплению православия в Полоцком крае и борьбе с католицизмом».

19 апреля 1910 года, на второй день праздника Христова Воскресения, в пещерном храме Благовещения, где почивали мощи святой, состоялось всенощное богослужение. Назавтра в новой кипарисовой раке святыню вынесли из пещеры к богомольцам, которых собралось в Лавре более 20 тысяч. 22 апреля Киев прощался с полоцкой княжной. Газеты сообщали, что жители города заполнили улицы и склоны холмов, балконы и крыши домов. Вдоль дороги из Лавры к Днепру стояли воинские шпалеры.

Для перевозки мощей были выделены государственные пароходы: «Головачев» предназначался для самой реликвии, «Киев» и «Александровск» — для сопровождающих. В носовой части украшенного цветами, зеленью изнаменами флагмана этой флотилии стояла часовня с зеркальными окнами, по обе стороны ее — две золотые хоругви. Раку с мощами поставили на корме ослепительного белого парохода под балдахином.

Подписание тропаря\* в честь Евфросинии корабли отчалили от берега и начали свое торжественное путешествие. (Необходимо заметить, что символическая часть мощей осталась в Киево-Печерской лавре на старом месте и по-прежнему привлекает православных паломников. Однако этот факт, безусловно, не дает оснований утверждать, что останки святой Евфросинии Полоцкой покоятся в Киеве, как сообщают некоторые украинские публикации. К сожалению, такая ошибка сделана и в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі».)

Флотилия с мощами, повсюду встречающая множеством верующих, прошла по Днепру от Киева до Орши 695 верст. Особенно живописным было это зрелище ночью, когда на берегах, у самой воды, горели яркие костры, пароходы мерцали огоньками сотен све-

\* Тропарь — короткая церковная песня в честь праздника или святого.

чей, отражавшихся в зеркалах часовни, а на верхушке фок-мачты флагманского корабля сиял крест.

В городах Любече, Речице, Рогачеве, Старом Быхове, Могилеве и Орше флотилия останавливалась и совершились торжественные богослужения, собирающие огромное число богомольцев и паломников со всего Приднепровья. Из Орши в Полоцк моши святой путешествовали по суше. Под перезвон всех полоцких колоколов реликвию поместили вначале в кафедральном Николаевском соборе. 22 мая по дороге к Спасо-Евфросиниевскому монастырю торжественная процессия растянулась на две версты.

Отом, какое значение придавали переносу мощей царские власти, свидетельствует участие в крестном ходе в храм Спаса великого князя Константина, который представлял самого императора, а также королевы Греции Ольги Константиновны и великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры царицы.

Возведенном некогда по заказу Евфросинии Спасским храме святыню поместили в кипарисовую раку, увенчанную позолоченными чеканными барельефами, а также эмалевыми изображениями крестов и орнаментов. Рака была изготовлена в византийском стиле на добровольные пожертвования верующих и оценивалась в огромную по тем временам сумму — 12 тысяч рублей.

Так 23 мая 1910 года, в день памяти святой Евфросинии, ее нетленные останки возвратились в Спасскую обитель.

К торжественному событию городское церковное братство выпустило «Путеводитель по городу Полоцку». Среди помещенных в этом справочнике разнообразных сведений находим и сообщение о деятельности на родине просветительницы Спасо-Евфросиниевского женского епархиального училища и самого церковного братства во имя святого Николая и преподобной Евфросинии, которое продолжало благотворительные традиции подвижницы, содержа женскую богадельню и сиротский приют (в его пользу и был издан «Путеводитель»).

Тогда же в Полоцкой типографии Х. Клячко вышел также приуроченный к переносу мощей краткий исторический очерк «Минувшее и настоящее г. Полоцка». Его автор Н. Зорин пользуется случаем, чтобы напомнить землякам о запущенности Софийского собора, где некогда обитала святая: «Суровый упрек несется к нам

с высот Верхнего замка и от храма св. Софии Премудрости Божьей. Печальный, обезглавленный стихией, почти оставленный и полузабытый (службы в нем совершаются только в течение одного мая месяца), разрушенный беспощадным временем — этот храм, дорогое сокровище и сердце древнего Полоцка, теперь с находящимися вокруг него развалинами когда-то красивого и величественного здания, производит самое тяжелое впечатление на наблюдателя и вызывает краску стыда и чувство горькой обиды...»

Обычно мощи святых обнаруживают чудодейственную силу. Об одном из чудес, произошедшем во время переноса останков в Евфросинии, оставили сведения член Витебской ученой архивной комиссии полоцкий краевед Н. Кайгородов и старший врач Полоцкого кадетского корпуса доктор медицины А. Мансветов. Согласно их сообщению, в Спасском монастыре жила черница, которая страдала тяжелым заболеванием желудка и настолько обессиляла, что уже почти не поднималась с постели. Доктор лишился всякой надежды спасти больную; ее тело было в пролежнях, а боль снимали наркотиками.

Когда в обитель прибыли нетленные останки Евфросинии, их вначале поместили в Крестовоздвиженском соборе. После всенощной верующие создали огромную очередь к реликвии. Монастырские сестры, выполняя волю больной, привели ее в храм и подняли на помост, где она прислонилась к мощам и поцеловала святой Евфросинии руку. После этого монахиня почувствовала такой прилив сил, что смогла подняться и идти без посторонней помощи. Назавтра, во время очередного визита к больной, доктор Мансветов встретил пациентку во дворе, причем уже без всяких заметных признаков недуга. Доктор признается, что в этом случае столкнулся с явлением, превосходящим границы человеческого разумения.

Монастырская хроника тех лет, к сожалению, не сохранилась. Возможно, Евфросиния продолжала творить чудеса, но уже с неизбежностью черной грозовой тучи надвигалась иная эпоха.

ХХ век предначертал святыне не покой, а страдания и муки.

После большевистского переворота 1917 года, когда началась безжалостная война против религии, святые места и реликвии испытали на себе варварство и издевательства новой власти. Драма не обошла стороной и Спасо-Евфросиньевский монастырь.

Февраль 1919 года. Народный комиссариат юстиции РСФСР

«ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

издает постановление об организованном вскрытии святых мощей чудотворцев по всей стране. Претворение безбожного решения в жизнь задерживается только по причине гражданской войны.

В 1922 году произошло преступное вскрытие гроба с останками святой Евфросинии. В фондах Полоцкого историко-культурного заповедника сохранились документы, рассказывающие об этом страшном кощунстве. (Печатаются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.)

**ПРОТОКОЛ**

*вскрытия и освидетельствования мощей Евфросинии  
комиссией, выделенной согласно постановлению Полоцкого  
уездисполкома, утвержденному губисполкомом,  
состоявшегося 13 мая 1922 г. в гор. Полоцке  
в Спасо-Евфросиньевском монастыре.*

Присутствовали: от уезд. исполкома т. Хомяков, от укома т. Лейман, от Союза Молодежи т. Пискунов, от женотдела т. Барановская, от уездздрава доктор Ленский, ученый-археолог Дейнис, представители красноармейских частей и представители духовенства — священники Черепнин, Покровский, игуменья Елена, казначей общинны Ксунина Лариса, монахини, представители верующих, городского населения и крестьян.

В 14 час. коллективно, в присутствии вышеперечисленных и членов комиссии уездисполкома т. Ткачева, начальника и военкома 43-х полоцких курсов т. Фабрициуса, военкома 41-го полка т. Дмитриева, представителя губотдела юстиции т. Шефкуна, члена губисполкома т. Григорьева, представителя губполитуправления т. Секса, врачей: Ленского, Христенсена, Лундберга, ученого-археолога Дейниса, игумены и монахини монастыря; последние приступили к освобождению мощей от облачения.

По наружному виду в гробу лежит нечто имеющее форму человека. По снятии застежек схимьи, изготовленной в 1910 г., обнаружается другая одежда — мантия. Фигура лежит в голубом шелковом ваточнике, видны сложенные накрест руки, в красных ватных перчатках. Ноги обуты в красные шелковые туфли. Голова завернута — сначала ватный чехол розово-полосатого шелка, затем парчовый колпаки красно-шелковый чехол.

Подснятой одеждой находится хитон, шелковый, лилового цвета. Вся фигура обложена — по заявлению монахинь, во избежание тряски при перевозке — парчовыми искуфьями и разными частями церковных одежд. По снятии шелковой сорочки найдена записка современного происхождения, подписанная иереем Клавдием. Кроме того, найдены четки (янтарные), по заявлению монахинь, привезенные с мощами из Иерусалима. Из-под сорочки обнажается костяк, завернутый в шелковые лоскуты. Череп без волос вплотную приложен к туловищу, но с ним не связан. Грудная клетка изломана, кое-где на остатках ребер сохранились заплесневевшие имумифицировавшиеся части мышечной ткани и кожи. Часть ребер провалилась внутрь и подперта каким-то материалом, по развертывании оказавшимся частями парчовых облачений. На реплику одного из присутствующих «Развязывайте скорее» монахиня Неонила заявляет: «Не торопитесь, вас больше ждали», другая заявляет: «Тут ничего нет, одне косточки». Священник Пестман, оттиснутый присутствующими в сторону, настаивает на своем праве быть впереди и удовлетворяется.

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ** *врачебно-научной экспертизы*

Доктор Христенсен устанавливает, что череп отделен от туловища вследствие разрушения связочного аппарата; разрушения связочного аппарата — оттления. В середине череп пустой. Лицевая сторона черепа замазана какой-то мастикой давнего происхождения в области глаз, веки верхней челюсти, по предположению врачей — с целью туалета, дабы сладить неприятное впечатление и придать форму лицу. Больше мастики нигде не замечается. На грудной клетке местами покрытая плесенью незначительно высохшая кожа. На суставах сухожилия мумифицировались и связывают некоторые суставы. По мнению врачебной экспертизы, все кости принадлежат одному утрупу; волос нигде нет. Зубы имеются лишь только в верхней челюсти. Труп мумифицировался вследствие благоприятных почвенных условий. Давность мумифицированного трупа установить невозможно, но науке известно, что при благоприятных почвенных условиях трупы сохраняются от 10 до 1000 лет, постепенно подвергаясь разрушению. Суказанным мнением согласны и вполне солидарны врачи Лянсберг, Калашников и Ленский.

Ученый-археолог Дейнис считает, что труп плохо сохранился,

«ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

так как он видели более хорошо сохранившиеся мумии египетского происхождения. Возможно, что последние более сохранились вследствие искусственной мумификации, тогда как этот труп подвергался мумификации почвенной.

Крест, одетый на костях, недавнего происхождения; в разные моменты произведены фотографические снимки фотографами Бермантом и Соловейчиком.

Подпись председателя и членов комиссии

*Текст записки иеря Клавдия,  
найденной при вскрытии  
«мощей» Евфросинии Полоцкой.*

Ея рубашка без нужды от тела не отнимается, кроме когда потребуется отнятие частиц ее тела, только тогда развернуть ея. А для просушки тела не нужно развертывать, так как воздух пройдет сквозь ея.

Мы не дерзали никогда раскрывать святое тело препод<sup><об-</sup>ной<sup>></sup> матер<sup><и></sup> нашей Евфросинии, только тогда, когда свидетельствовали ея.

Иер<sup><ей></sup> Клавдий

После вскрытия мощи отправили на атеистическую выставку в Москву, оттуда — в Витебск, где их демонстрировали в местном краеведческом музее. За год до этого в Спасо-Евфросиниевской обители были реквизированы все ценности и среди них серебряная рака, в которой лежала святыня.

В период немецкой оккупации, когда были вновь открыты храмы и восстановлены монастыри, витебляне перенесли нетленные останки из музея в Свято-Покровскую церковь. 23 октября 1943 года они вернулись в Полоцк. Совершалось это с разрешения и с помощью оккупационныхластей: реликвию сопровождал представитель штандарткомендатуры, в день прибытия поезда с мощами в городе отменили комендантский час. (Было бы, конечно, наивно говорить, что оккупанты заботились о белорусской культуре — они имели свой расчет) Мощи провели первую ночь в Софийском соборе, а потом крестный ход полочан перенес их в храм Спаса, где с того времени и покоятся святыня.

## Патронесса Беларуси

Уже вскоре после смерти преподобной Евфросинии в ее честь были созданы тропарь и стихира. Концом того же XII века датируется и написание «Жития». Это могло произойти только при условии причисления полоцкой игумении к сонму святых.

Полоцане признали свою просветительницу святой и начали почитать ее восемь столетий назад. В ту эпоху канонизация на восточнославянских землях, как и вообще в православии, происходила достаточно просто и зависела в первую очередь от местного епископа. В этом акте воплощалось общее мнение клира и верующих. Нет сомнения, что оценка полоцанами жизни и подвигов Евфросинии была единодушною. Автор «Жития», сам полоцанин, высказалее во вдохновенном гимне, которым завершил свое произведение: «Какими словами, братья, восславить мне светлую память блаженнейшей невесты Христовой Евфросинии! Была она помощью обиженным, печальным утешение, раздетым одежда, больным посещение или, проще говоря, — для всех была всем. Евфросиния сердце свое вспаивала Божьей мудростью. Евфросиния — неувядаемый цветок крайского сада. Евфросиния — орел небопарный, пролетевший с запада до востока, подобно лучу солнечному, просветив землю Полоцкую. Тем же, братья, похваляется Селунь о святом Димитрии, а Вышгород — мучениками Борисом и Глебом; я же похваляюсь: блажен ты, город Полоцк, взрастив росток твой — преподобную Евфросинию».

Признание святости княжны-игумении могло произойти уже при полоцком епископе Дионисии (около 1166–1182). Святой почитали Евфросинию и в Иерусалиме. Неслучайно же, спасаясь от сарацинов, православные монахи вынесли с собой из Святой Земли и нетленные останки знаменитой полоцянки.

На протяжении нескольких столетий преподобная Евфросиния считалась местной святой. Но Полоцк до середины XVI века был главным духовным центром белорусских земель, и культ княжны-игумении распространялся по всей Беларуси. Постепенно святая Евфросиния стала в сознании верующих небесной покровительницей — патронессой не только Полоцка, но и всего Отечества.

Определить время, когда это произошло, вряд ли возможно. Однако необходимо заметить, что на роль патронов Беларуси пре-

тендовали и другие святые — Казимир (сын великого князя литовского Казимира IV), Параскева Полоцкая. Культ св. Казимира сегодня распространен преимущественно среди белорусов-католиков на Виленщине и в сопредельных районах Республики Беларусь. Что касается почитания святой Параскевы Полоцкой, то после упразднения Унии ее культу усилиями Русской православной церкви был перенесен на святую Параскеву Пятницу. Польские власти до 1939 года способствовали распространению на западнобелорусских землях культа святого Андрея Боболи — католического миссионера, замученного в 1657 году царскими казаками в Беларуси.

На утверждение полоцкой подвижницы в качестве небесной покровительницы Отечества повлияло национальное возрождение начала XX века. Газета «Крывічані» в 1918 году писала: «Не всем известно, что патронессой Белоруссии является св. Евфросиния Предслава княжна Полоцкая, игуменья монастыря св. Спаса...»

Именно национальной принадлежностью преподобной Евфросинии объясняется, почему ее долго не считали как святую соседние с белорусами народы. Несмотря на то, что в Киево-Печерской лавре почивали ее мощи, культ Евфросинии был почти неизвестен и на Украине. Полоцкую подвижницу упоминали только в общем богослужении 28 августа и на второй неделе великого поста вместе с другими святыми, мощи которых находились в дальней Феодосиевой пещере.

В Московском государстве никакого культа святой Евфросинии до XVI века не существовало, потому что на этих землях она воспринималась как чужая. Святость полоцкой игуменьи признана только на Московском соборе 1547 года, когда ее житие вписали в «Четы-Минеи» на 23 мая. Это было сделано, наверное, в первую очередь потому, что Московия активизировала свои агрессивные действия на западной границе и создавала им идеологическое обеспечение.

Специальная служба русского уклада в честь святой Евфросинии была утверждена только в 1893 году, а через семь лет иеромо-

---

\* Акафист — особый вид молитвенно-хвалебного песнопения в честь Христа, Богородицы и святых, который все присутствующие исполняют стоя.

нах Никодим написал акафист\*. Позднее распространение культа полоцкой святой в Русской православной церкви связано с тем, что, как уже отмечалось, преподобную Евфросинию почитали униаты. Враждебность царских властей к Унии, сохранявшей национальную самобытность белорусов, объясняется, видимо, и исчезновение созданной в 1839 году белорусским художником Токаревым родом из Бешенюевич иконы Евфросинии, предназначавшейся для полоцкого Софийского собора. На иконе, которую описывает в своей изданной в 1949 году в Париже книге «Св. Еўфрасіня-Прадслава ігуменя манастыра сьв. Спаса ў Полацку патронка Беларусі» отец Лев Горошка, святая была изображена в полный рост, в левой руке держала крест, а правой указывала на юрону и мантию — знаки княжеской власти.

Кстати, сегодня, кроме многочисленных православных икон полоцкой подвижницы, ее изображения можно увидеть на росписях подземной церкви Благовещения в Киево-Печерской лавре, а также на фресках киевского Владимирского собора (автор В. Васнецов). В 1997 году в Новосибирске была освящена написанная в местных традициях икона преподобной Евфросинии, которая теперь считается и патронессой белорусов всей Сибири.

Промелькнувшие в печати в начале нашего века сообщения, что Евфросиния Полоцкая канонизирована папой Григорием X на втором Лионском соборе в 1274 году, документами не подтверждаются. Тем не менее, согласно вековой традиции, Евфросинию признает святой и католическая церковь. В современных литургических изданиях для католиков восточного обряда (униатов) она вписана в календаре на своем месте.

Таким образом, сегодня преподобную Евфросинию вместе с православными и белорусами глубоко чтут и братья-католики. Патронесса Беларуси дает духовную поддержку и нашим соотечественникам далеко за пределами Родины.

В 1946 году белорусы, оказавшиеся в лагере для перемещенных лиц в немецком городе Регенсбурге, практически за один месяц построили себе православный храм, посвятив его святой Евфросинии Полоцкой. При церкви был создан хор, которым руково-

«ЯКО ЛУЧА СОЛНЕЧНАЯ...»

дилвыдающийся композитор, автор музыки белорусского духовного гимна «Магутны Божа» Микола Равенский.

Первым белорусским православным храмом в Северной Америке стала церковь Евфросинии Полоцкой в канадском городе Торонто. Богослужение в ней впервые состоялось 25 марта 1950 года, в день провозглашения независимости Белорусской Народной Республики. Вблизи Нью-Йорка, в городе Саут-Ривер, штат Нью-Джерси, находится еще одна белорусская церковь в честь Евфросинии. Она стоит на холме возле автомагистрали. Каждое воскресенье и в праздники из близких и дальних окрестностей съезжаются туда пожилые, молодые и совсем маленькие белорусы, чтобы помолиться, услышать родное слово и почувствовать себя частицей Отечества.

Белорусская диаспора достойно отметила 800-летие завершения земного пути полоцкой игумении. Художник А. Махюк написал икону святой, изданную затем литографическим способом, а известный венгерский скульптор П. Винчи создал по заказу наших соотечественников посвященную Евфросинии изысканную металлическую иконку.

Белорусский православный приход св. Евфросинии Полоцкой существует в Лондоне.

Сегодня, когда между католиками и православными в Беларуси порой возникают недоразумения, общая для верующих этих конфессий святая — Евфросиния Полоцкая как бы призвана объединить их, даровать всем мир, согласие и взаимоуважение. В Молитве за Белорусский Народ говорится: «Тебя, Пречистая Богородица и наша небесная Матерь, просим: заступись за нас, а Ты, святая Евфросиния Полоцкая — патронесса Беларуси, и все святые покровители Белорусского Народа, пасите нас, дабы мы стали народом святым, исполняющим Волю Божью и свое предназначение, дабы служили общему благу здесь, на земле, а в жизни будущей обрели вечное счастье, и Тебе, предвечному Господу, возносili хвалу, честь и благодарение на веки вечные. Аминь».

В 1984 году преподобная Евфросиния причислена к Собору Белорусских Святых.

День памяти святой Евфросинии Полоцкой празднуется 23 мая (5 июня н. стиля).

## Влечет образ подвижницы

Необычная судьба Евфросинии, ее духовные подвиги и самоотверженное служение родной земле, вознесшие знаменитую полочанку над своей эпохой, сделав ее святой патронессой Беларуси, уже не одно десятилетие привлекают внимание историков, литераторов, художников, композиторов...

Ольга Ипатова создала запоминающийся образ княжны-игумены в исторической повести «Предслава», где жизнь нашей соотечественницы показана на фоне ее драматического времени. Столоцкой проповедницей встречаются и читатели романа Таисии Бондарь «Спакуса». Интересный экскурс в Полоцк XII века совершил в романе «Святыегрешники» Алесь Асипенко. Евфросинии ее современникам, зодчиму Иоанну и мастеру-ювелиру Лазарю Богше, посвятили свои стихи, поэмы, рассказы Лариса Гениуш, Наталья Арсеньева, Алесь Рязанов, Рыгор Бородулин, Геннадий Буравкин, Ирина Богданович, Сергей Соколов-Воюш, Олег Минкин, Леонид Дранько-Майсюк, Петро Ламан, Наум Гальперович, Сергей Тарасов...

Светская иконография Евфросинии насчитывает уже несколько десятков произведений. Среди них выделяются полотна известных белорусских живописцев Алексея Марочкина и Нинель Счастной, графические листы Арлена Кацкуревича. В течнике гобелена портрет Евфросинии Полоцкой создал Сымон Свистунович. Ее имя возникает в памяти при знакомстве с духовенными и женскими образами древних полочанок скульптора Алеся Шатерника. В 1997 году в Национальном художественном музее Беларуси состоялась выставка «Путь Евфросинии», которую составили графические листы и скульптура молодой белорусской художницы Натальи Апиок.

Режиссер киностудии «Летапіс» Ольга Мороюва сняла в 1989 году фильм «Евфросиния Полоцкая». Тогда же в первом номере нового республиканского журнала «Спадчына» появился белорусский перевод «Жития» святой, сделанный Алексеем Мельниковым, который за свою короткую, трагически оборвавшуюся жизнь успел опубликовать несколько посвященных нашей прославленной соотечественнице исследований.

Чтобы глубже постичь душу выдающегося человека, надо обязательно побывать у него на родине. В величественном Софийском со-

боре, где восемь с половиной столетий назад Евфросиния «нача книги писати своими рукам и», теперь концертный зал с органом, а также музейная экспозиция, которая знакомит с археологическими находками, сделанными в столице нашей древней державы. Наряду с храмом святой Софии в охранную зону Полоцкого историко-культурного заповедника включен архитектурный комплекс Спасо-Евфросиниевского монастыря.

Накануне празднования 1000-летия принятия белорусскими землями христианства в Полоцке появилась улица имени святой Евфросинии. Полочане мечтают о памятнике подвижнице, который мог бы прекрасно вписаться в архитектурно-ландшафтное пространство Спасо-Евфросиниевского монастыря или Верхнего замка.

Сегодня, когда, сталкиваясь с громадными трудностями и препятствиями, лучшие силы белорусской интелигенции ведут борьбу за национальное возрождение, ему служит и патронесса Беларуси. Об этом прекрасно сказано в поэме Дануты Бичель-Загнетовой «Евфросиния Полоцкая»:

Слай духоўнай узвысіла Палацквысока.

Тым, хто ім кнуўся да кнігі,  
свяціла, бы зорка...

Мове, адзінай дзяржаве  
шчэ толькі злучацца —  
свет нас прымаў якнарод  
па адной палачанцы.

Як маладзік, узышла, засвяцілася шчыра  
па-надвайнай,  
рассяўальніцай цемры на шлях.  
Унучка змаганца асветніцкі выбрала вырай.  
Павандравала...  
Як маладзік, узышла...

Сталыя, моладзь!  
Да слова пара падключачца  
з поўнай напругай!  
Даволі ўзаемных образ!

Зверым душу па нахняльніцы,  
па палаchanцы!  
Душы ўздымае духоўна  
жаночы абраз.

Имя подвижницы носит созданный пять лет назад Всебелорусский женский фонд, возглавляемый писательницей Валентиной Ковтун. Фонд святой Евфросинии Полоцкой — первая в стране международная негосударственная женская организация, чья деятельность направлена на развитие национальной культуры, науки и образования, укрепление христианских традиций, а также на защиту прав женщин, особенно творческих профессий. Кроме научных конференций и Евфросиньевских чтений, художественных выставок, паломничества и благотворительных акций, Фонд проводит международный конкурс «Женщина года», победительницам которого вручается медаль святой Евфросинии. Среди награжденных такие известные в Беларуси и за ее пределами люди как народная артистка Стефания Станюта, художественный руководитель вокально-хореографического ансамбля «Харошкі» Валентина Гасевая, ректор Государственного университета культуры Ядвиги Григорович, главный офтальмолог Беларуси академик Тамара Бирич... Фондом многое делается для того, чтобы придать Дню святой Евфросинии значение общегосударственного праздника.

В дни, когда отмечалась 1125-я годовщина первого летописного упоминания о Полоцке, произошло символическое событие, связанное с именем просветительницы. Под сводами Софийского собора, где когда-то нашла пристанище юная Евфросиния, в исполнении Натальи Серегиной прозвучал певчий цикл, созданный в честь просветительницы в далеком XII веке.

Придете, любомудрении,  
песнями богокрасными воспоим о достохвалнии  
и смиренни Евфросинии всечеснеи...

Придите, любомудрые, в храм преподобной. Поклонитесь ее мощам, попглядите в глаза на фреске. Поднимитесь в келью святой, где так возвышенно думается о вечности Прекрасного, о человеческом предназначении на этой земле.